

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И
ИННОВАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

ТЕРМЕЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОТДЕЛЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ

На правах рукописи:

УДК: 811.161.1:512.133.81.367.63

ТУХТАМИШЕВА КИЗЛАРНОЗ САТТОРОВНА

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ
УЗБЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра по специальности:
70230101 – Лингвистика (русский язык)

Научный руководитель:

к.ф.н., доц. Панжиев Н.П.

ТЕРМЕЗ 2023

Тема магистерской диссертации утверждена приказом ректора Термезского государственного университета № 54 ТМ от 3 декабря 2021 года.

Диссертация выполнена на кафедре русского языкознания Термезского государственного университета.

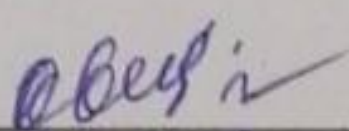
Электронный вариант магистерской диссертации размещен на веб-сайте Термезского государственного университета.

QR-код адреса диссертации:

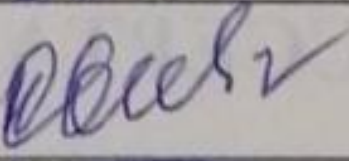
С данной магистерской диссертацией можно ознакомиться в центре Термезского государственного университета (зарегистрирован под № 25 Адрес: город Термез, ул. Баркамол Авлод, д.43).

Научный руководитель

к.ф.н., доц. Н.Панжиев

Заведующий кафедрой

к.ф.н., доц. Н.Панжиев

Начальник отделения
магистратуры

PhD. A.B.Нарбаев

АННОТАЦИЯ

к магистерской диссертации выпускницы отделения магистратуры по специальности: 70230101 – Лингвистика (русский язык) Тухтамишевой Кизларноз Саттаровны на тему: «Интерференция в русской речи учащихся узбеков (на материале русской грамматики)»

Вводные слова: интерференция, трансференция, сопоставительная лингвистика, двуязычие, морфологические и грамматические признаки.

Объектом исследования явились вопросы языкового взаимодействия и взаимовлияния языков.

Предметом исследования является изучение грамматической интерференции в условиях русско-узбекского двуязычия.

Цель данного исследования – исследовать причины потенциальной морфологической интерференции и грамматической трансференции.

Методы исследования. Основные методы, применяемые в магистерском исследовании обусловлены ее целью, задачами и характером исследуемого материала. В процессе решения поставленных задач, мы применяли такие принципы и методы как сопоставление и обобщение материала, описание, включающее в себя приемы наблюдения, лингвистический метод с применением конкретных приемов сопоставительного анализа, сравнительно-типологического анализа. Языковой материал изучен на основе опыта сопоставительно-типологического исследования.

Научная новизна исследования заключается в исследовании лингвистической сущности интерференции, потенциальной грамматической интерференции при русско-узбекском двуязычии. Научная значимость работы определяется тем, что выявленные виды грамматической интерференции могут быть использованы при исследовании вопросов интерференции в других языках.

Практическая значимость. Значимость работы определяется необходимостью сравнительно-сопоставительного осмысления языковых фактов, существующих в них, в частности, в фонетической системе русского,

узбекского языков.

Способы применения. Материалы и выводы работы могут быть использованы в общих и специальных вузовских курсах современного русского языка (морфологии, синтаксиса). Материалы магистерской диссертации также могут применяться при разработке спецкурсов и спецсеминаров по разделам дисциплины «Современный русский литературный язык».

Область применения: Высшие учебные заведения и средние и специализированные школы Республики Узбекистан.

ANNOTATION

«Interference in the Russian speech of Uzbek students (based on Russian grammar)» master's dissertation on the topic

Keywords: interference, transference, comparative linguistics, bilingualism, morphological and grammatical features.

The objects of research there were issues of linguistic interaction and mutual influence of languages.

The subject of the research is the study of grammatical interference in the conditions of Russian-Uzbek bilingualism.

Purpose: explore the causes of potential morphological interference and grammatical transference

Research methods. The main methods used in master's research are determined by its purpose, objectives and the nature of the material being studied. In the process of solving the tasks set, we applied such principles and methods as comparison and generalization of the material, description, which includes observation techniques, a linguistic method using specific methods of comparative analysis, comparative typological analysis. The linguistic material was studied on the basis of the experience of comparative typological research.

Scientific novelty of the research is to study the linguistic essence of interference, potential grammatical interference in Russian-Uzbek bilingualism. The scientific significance of the work is determined by the fact that the identified types of grammatical interference can be used in the study of interference issues in other languages.

Practical significance. The significance of the work is determined by the need for a comparative understanding of the linguistic facts that exist in them, in particular, in the phonetic system of the Russian and Uzbek languages.

Level of Implementation. The materials and conclusions of the work can be used in general and special university courses of the modern Russian language (morphology, syntax). The materials of the master's thesis can also be used in the

development of special courses and special seminars on the sections of the discipline "Modern Russian Literary Language".

Field of application: Higher educational institutions and secondary and specialized schools of the Republic of Uzbekistan.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОБ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯХ ...	9
§ 1.1. Понятие интерференции	9
§ 1.2. Основные виды интерференции	20
§ 1.3. Интерферирующее влияние родного языка на иностранные языки	22
§ 1.4. Причины проявления интерференции на втором языке	26
Выводы по первой главе	29
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ	30
§ 2.1. Сравнительная типология среди других отраслей языкознания	30
§ 2.2. Сопоставительная и типологическая лингвистика	36
§ 2.3. Виды типологических исследований	38
§ 2.4. Сопоставительный подход к изучению грамматических категорий	53
§ 2.5. Грамматические категории у отдельных глагольных форм в русском и узбекском языках	55
Выводы по второй главе	71
ГЛАВА III. ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИ РУССКО-УЗБЕКСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ	73
§ 3.1. Морфологическая интерференция	73
§ 3.2. Грамматическая трансференция	84
Выводы по третьей главе	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	91

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и обоснование темы исследования. Языки разных народов мира влияют друг на друга в процессе общения. Интерференция, как лингвистическое явление, изучается с разных сторон, в том числе в плане особенностей речи на втором языке, характерных для определенных социальных, профессиональных и возрастных групп. Изучение грамматического аспекта русского, узбекского помогает усвоению и овладению данными языками.

Существует множество исследований, посвященных изучению грамматического строя русского и узбекского языков. Однако, вопросы выявления грамматической интерференции в русской речи учащихся-узбеков ещё ждут своих исследований. Это требует разработки вопросов интерференции родного языка при обучении второму языку. Поэтому существует большой спрос на создание учебников и учебных пособий.

В нашей стране отдельное внимание уделяется совершенствованию системы образования. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев в своем Послании Олий Мажлису и народу Узбекистана отметил, что «повышение качества образования – единственно правильный путь развития Нового Узбекистана»¹. Государственная политика нашего государства обозначила значимость образования особым местом и ролью в жизни общества. Это одна из необходимых для социального и личностного развития областей человеческой деятельности. Образование является если не единственным, то наиболее важным средством сохранения и трансляции социального опыта и культуры. В этом качестве оно выступает на протяжении всей истории человечества. Языковая компетенция является одним из показателей социального статуса человека. Судьба новых поколений всё больше определяется общечеловеческой культурой: логическим мышлением, языковым взаимодействием.

¹ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана от 20.12.2022 года <https://president.uz/ru/lists/view/5774>

Объектом магистерской диссертации явились вопросы языкового взаимодействия и взаимовлияния языков.

Предметом магистерской диссертации является изучение грамматической интерференции в условиях русско-узбекского двуязычия

Цель магистерской диссертации – исследовать причины потенциальной морфологической интерференции и грамматической трансференции.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие задачи:

- теоретически исследовать разработанность вопроса о возникновении интерференции, её сущности и специфики процессов взаимодействия грамматических явлений при двуязычии;
- выявление особенностей функционирования грамматических категорий в разных типах текстов, в различных условиях и ситуациях общения;
- проанализировать структуру и функционирование грамматических категорий, таких как времена, падежи, числа и т.д. в русском языке;
- выявить особенности употребления грамматических категорий в разных типах текстов, например, в художественной и научной литературе, в публицистических и деловых текстах и т.д.;
- исследовать взаимосвязь между грамматическими категориями и другими языковыми явлениями, такими как лексика, стиль, интонация и др.;
- изучить влияние внешних факторов, таких как социальный статус, образование, культурный фон и др., на употребление грамматических категорий в русском языке.

Научная новизна магистерской диссертации заключается в исследовании лингвистической сущности интерференции, потенциальной грамматической интерференции при русско-узбекском двуязычии. Научная значимость работы определяется тем, что выявленные виды грамматической интерференции могут быть использованы при

исследовании вопросов интерференции в других языках.

Основные вопросы и гипотеза исследования. Основными вопросами, рассматриваемыми в диссертации, являются: 1) Как влияет родной язык на использование грамматических категорий в русском языке? 2) Зависит ли употребление грамматических категорий в русском языке от конкретной ситуации общения и ее социального контекста? 3) Влияет ли образование и культурный фон на употребление грамматических категорий в русском языке?

Определён ряд гипотез исследования:

1. Учащиеся-узбеки имеют больше ошибок в использовании грамматических категорий в русском языке, чем носители языка.
2. Родной язык влияет на использование грамматических категорий в русском языке.
3. Образование и культурный фон влияют на употребление грамматических категорий в русском языке.
4. Употребление грамматических категорий в русском языке зависит от конкретной ситуации общения и ее социального контекста.
5. В результате исследования можно получить рекомендации по улучшению методов обучения русскому языку для нерусскоговорящих, а также предложения по развитию методик и материалов для преподавания грамматики русского языка.
6. Исследования, посвященные проблеме грамматической интерференции в русской речи учащихся-узбеков, являются актуальными в свете интенсификации миграционных процессов и увеличения числа узбекскоговорящих студентов, обучающихся в высших учебных заведениях России.

Обзор (анализ) литературы по теме исследования. В литературе существует ряд исследований, посвященных проблеме грамматической интерференции в русской речи узбеков. Одно из таких исследований проводилось авторами С.Х. Курбоновой и Л.С. Кобуловой в статье

«Грамматическая интерференция в русской речи узбеков». В этом исследовании авторы обнаружили, что основные проблемы, с которыми сталкиваются узбекскоязычные учащиеся, связаны с грамматическими категориями, которые отсутствуют или имеют различную форму в узбекском и русском языках, такими как падежи, род, время и аспект.

Еще одно исследование было проведено в статье «Проблема грамматической интерференции в процессе обучения русскому языку у учащихся из Узбекистана» авторами И.Н. Лазаревой и Н.Б. Колчиной. В этом исследовании было выявлено, что одной из основных причин грамматической интерференции является недостаточная языковая компетенция учащихся в родном языке и недостаточное количество практических занятий по русскому языку.

Также стоит отметить работу А.Ю. Бузылевой «Проблемы грамматической интерференции в учебном процессе при изучении русского языка у учащихся-иностранцев», в которой автор выявляет причины грамматической интерференции и предлагает различные методы и подходы к преодолению этой проблемы в учебном процессе.

Некоторые исследования посвящены изучению конкретных аспектов грамматической интерференции в речи учащихся-узбеков. Например, исследование Е.А. Шипиловой «О роли семантической интерференции в формировании ошибок узбекских студентов в употреблении временных форм глагола в русском языке» анализирует влияние семантической интерференции на ошибки узбекских студентов в использовании временных форм глагола в русском языке. Исследование выявило, что наиболее часто допускаются ошибки в употреблении временных форм прошедшего времени, а также при переводе временных форм глагола на русский язык из узбекского.

Другое исследование, проведенное М.М. Рахимовой «О некоторых проблемах формирования грамматической компетенции у учащихся-нерусских в условиях поликультурного образования» (2014), исследует

основные проблемы формирования грамматической компетенции учащихся-узбеков в условиях поликультурного образования. Автор отмечает, что грамматическая интерференция является одной из основных проблем в изучении русского языка у учащихся-узбеков, и предлагает использовать инновационные методы обучения, учитывающие эту специфику.

В статье «О проблеме интерференции русского и узбекского языков» (А.Х. Курбонов, Ш.А. Шарипов, Н.А. Нуридинова, 2018) исследуется проблема взаимодействия русского и узбекского языков в речи узбекскоговорящих студентов в условиях учебного процесса. Авторы выделяют следующие основные проблемы, связанные с грамматической интерференцией: неправильное употребление падежных окончаний, согласования слов в предложении, форм глаголов и прилагательных, а также неправильное употребление русских предлогов. В статье «Особенности интерференции русского и узбекского языков в речи учащихся-иностранцев» (Д.Б. Курбанова, 2019) исследуется проблема взаимодействия русского и узбекского языков в речи учащихся-иностранцев, включая узбекскоговорящих студентов. Автор выделяет такие явления грамматической интерференции, как неправильное употребление падежных окончаний и согласования слов в предложении, а также ошибки в употреблении глаголов и прилагательных. В статье «Интерференция русского и узбекского языков в речи узбекскоговорящих студентов» (Ш.К. Абдуллаев, М.Б. Хамидова, 2019) авторы исследуют проблему взаимодействия русского и узбекского языков в речи узбекскоговорящих студентов.

Описание методики, применяемой в исследовании. Основные методы, применяемые в магистерском исследовании обусловлены ее целью, задачами и характером исследуемого материала. В процессе решения поставленных задач, мы применяли такие принципы и методы как сопоставление и обобщение материала, описание, включающее в себя

приемы наблюдения, лингвистический метод с применением конкретных приемов сопоставительного анализа, сравнительно-типологического анализа. Языковой материал изучен на основе опыта сопоставительно-типологического исследования.

Теоретическое и практическое значение результатов исследования. Теоретическая значимость заключается в том, что в ней определены основные виды грамматической интерференции при контакте русского и узбекского языков. Значимость работы определяется необходимостью сравнительно-сопоставительного осмысления языковых фактов, существующих в них, в частности, в фонетической системе русского, узбекского языков.

Практическая значимость. Материалы и выводы работы могут быть использованы в общих и специальных вузовских курсах современного русского языка (морфологии, синтаксиса). Материалы магистерской диссертации также могут применяться при разработке спецкурсов и спецсеминаров по разделам дисциплины «Современный русский литературный язык».

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ОБ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯХ

§ 1.1. Понятие интерференции

Термин «интерференция» (лат. *inter* – между и *fero* – несущий, переносящий), получивший первоначально распространение в точных науках, особенно в физике (оптике и акустике), означающий взаимодействие" взаимовлияние, результат которого может быть, как положительным, так и отрицательным, в настоящее время широко используется в психологии, педагогике, методике преподавания языков и языкознании. Знакомство с научной литературой свидетельствует, что вопросы интерференции интенсивно разрабатываются в психологии в связи с исследованием механизмов речи и их становлением² и в языкознании, для которого важна форма речи и установление ее правильности или неправильности³.

Так как понятие интерференции используется и в других науках, определение его лингвистического содержания следует признать важным. Термин «интерференция» в связи с вопросами взаимодействия языков впервые использует И. Эпштейн. По-видимому, И. Эпштейн в свое время этот термин заимствовал из терминологического арсенала ассоциативной психологии, ибо он сам являлся ее представителем. В языкознании его широко использовали ученые Пражского лингвистического кружка. Они интерференцию понимали, как процесс отклонения в системе и норме контактирующих языков, включая сюда все виды и типы взаимодействия и сближения языков (взаимовлияние, контактирование, слияние языков, смещение языков, заимствование, гибридизации и т.д.). Однако в своем широком распространении в лингвистике термин «интерференция» обязан

² Ибрагимбеков Ф.А. О языковых взаимодействиях в индивидуальном сознании. Баку, 1957.; Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 159 с.

³ Багана, Ж. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм: монография / Е.В. Хапилина; Ж. Багана. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2016. – 126 с.; Розенцвейг, В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В. Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 5-24.

работе У. Вайнрайха «Языковые контакты: состояние и проблемы исследования»⁴, которая до сих пор не теряет популярности. У. Вайнрайх интерференцию вслед за учеными — пражцами понимает, как отрицательный результат взаимодействия языков.

Несмотря на то, что имеется большая языковедческая и методическая литература, среди ученых пока еще нет однозначного толкования термина «интерференция».

В определение самого понятия «интерференция» вкладываются разные значения. Под интерференцией понимают:

а) отклонение в системе языка под воздействием другой системы, т.е. интерференция понимается как отрицательный результат взаимодействия языков — ошибки в речи на языке вторичной системы. По этой причине явление интерференции воспринимается как отрицательный перенос;

б) сам процесс транспозиции: «Транспозиция навыков и умений из одного языка в другой»⁵. В этом случае интерференция понимается как положительный фактор, способствующий овладению вторым языком;

в) взаимодействие систем: «...взаимодействие систем и элементов систем двух языков вследствие языковых контактов»⁶;

г) «...наложение двух систем в процессе речи, которое приводит к интерференции»⁷;

д) акцент: «Воздействие родного языка на русскую речь (и встречное воздействие) обозначается термином «интерференция» (или акцент)»⁸;

⁴ Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. Ю. А. Жлуктенко. — Киев: Вища школа, 1979. — 263 с.

⁵ Давитиани А.А. Интерференция, вызванная различием конструкций грузинского и русского предложений / А.А. Давитиани // Проблемы двуязычия и многоязычия: Сб. науч. тр. — М.: Наука, 1972. С. 344–356.; Назарова М.К. К педагогическому аспекту двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 274 - 275.; Ершова Е. Н. О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков / Е.Н. Ершова // Проблемы двуязычия и многоязычия: Сб. науч. тр. — М.: Наука, 1972. С. 131–139.

⁶ Семчинський С.В. Семантична інтерференція мов / С.В. Семчинський. — К.: Вища школа, 1974. — С. 76.

⁷ Haugen E., The Norwegian Language in America: a Study in Bilingual Behavior. Vol. I. The Bilingual Community. Vol. II. The American Dialects of Norwegian. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1953. P. 62

⁸ Галеева, М. М. О некоторых методах изучения иностранного акцента в русском языке. // Фонетические исследования в целях обучения иностранных студентов русскому произношению / Под ред. Петрянкиной В. И. М.: Изд-во РУДН, 1977. — С. 40.

е) процесс, действующий лишь в одну сторону, как на перенесение особенностей родного языка на изучаемый не родной язык⁹. Такое понимание интерференции исключает двусторонность процесса взаимодействия контактирующих языковых систем, но может быть справедливым только для частного случая её проявления.

3. Расхождения проявляются и в связи интерференции с языком или речью.

Некоторые под интерференцией понимают изменение одного языка под влиянием другого на уровне языка, а изменение на уровне речи рассматривают только как отклонение от нормы. В частности, Т.П. Ильяшенко указывает, что «начальная стадия интерференции в лексике или грамматической структуре – это обычно какое-либо отклонение от нормы, которое проявляется в отдельном стиле, у какого-либо писателя, в разговорном языке. Такое отклонение может остаться «отклонением», но оно может получить распространение закрепиться в литературном языке, расширить сферу употребления, и в таком случае это будет явление интерференции – проникновение в ткань языка новых элементов»¹⁰. Противоположное высказывание находим у В. Ю. Розенцвейга: «Нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы, называем интерференцией»¹¹. А интерференцию в понимании Т.Г. Ильяшенко В.Ю. Розенцвейг интерпретирует терминами «конвергенция» и «дивергенция» в зависимости от характера изменения контактирующих языков. Учитывая специфику интерференции в языке и речи в процессе диффузии (процесс проникновения иноязычного элемента или структурной модели в систему воспринимающего языка), Хауген предлагает закрепить термин "интерференция" только за речевой интерференцией (отклонение от нормы

⁹ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. – М., 1976. – С. 132.

¹⁰ Ильяшенко Т.П. Языковые контакты: на материале славяномолдавских отношений. Краткий очерк. – М.: Наука, 1970. – С.47.

¹¹ Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты. – Л.: Наука, 1972. – С. 7.

в речи билингва) а языковую интерференцию (включение элемента одного языка в другой) назвать интеграцией. Нам представляется, что интерференция и интеграция являются результатом взаимодействия двух языковых систем при билингвизме, причем в первом случае дело ограничивается отклонениями от норм второго языка на уровне речи, вызываемыми влиянием родного языка, т.е. «как и любое изменение в языке, интерференция первоначально проявляется на уровне речевой нормы», во втором же факты речевой интерференции «при особых условиях могут перерасти в факты языковой интерференции - вызвать соответствующие изменения в самой языковой системе».

Как известно, У. Вайнрайх, рассматривая интерференцию, различал две ее стадии. Первая стадия – это отклонение в речи билингва от нормы неродного языка, вторая стадия – это те отклонения, которые после частого употребления становятся обычными общепринятыми в речи билингва. Отсюда он различал интерференцию в речи и интерференцию в языке¹².

Э.М.Ахунзянов солидарен с мнением У. Вайнрайха о двух стадиях проявления интерференции: «В речи интерференция подобна песку, переносимому потоком воды; в языке – это песок, осевший на дно озера. Надо полагать первоначально интерференция возникает в речи билингва, но при благоприятных условиях она может распространиться среди монолингвов, становясь таким образом фактом языка. Так, например, русские лексические заимствования в узбекском языке сначала были фактом речи, а позднее стали достоянием языка. Поэтому интерференция не обязана всегда оставаться интерференцией, т.е. она сама становится нормой»¹³. Но в целом интерференция на уровне языка, по мнению Ахунзянова, является явлением положительным: "Под интерференцией принято понимать очень широкое явление, охватывающее все виды и

¹² Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. Ю. А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1979. – С. 32.

¹³ Ахунзянов, Э.М. Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – С. 83.

формы взаимовлияния языков. Следовательно, интерференция должна рассматриваться как положительное явление, способствующее взаимообогащению контактирующих языков и выработке общих линий их конвергенционного развития»¹⁴.

По этой причине Э.М.Ахунзянов предлагает разграничение положительного явления от негативно - о (перенос навыков родного языка на изучаемый язык, который оказывает негативное, тормозящее влияние на усвоение второго языка) и последнее называет термином «трансференция» (от латинского *transfere* - переносить), означающим перенос элементов, признаков и правил из другого языка: «Трансференция в отличие интерференции как явление положительного должна расцениваться как явление отрицательное, которая порождает речевую избыточность, создает значительные помехи на пути освоению второго языка»¹⁵.

Итак, на основании приведенных цитат из монографии Э.М.Ахунзянова можно сделать следующие выводы: во-первых, он признает необходимость деление интерференции на речевую и языковую; во-вторых, речевую интерференцию т.е. отклонение от нормы в речи билингва, предлагает назвать трансференцией; в-третьих, языковую интерференцию, т.е. то явление, которое охватывает все виды и формы взаимовлияния языков, предлагает назвать термином «интерференция».

Радикально противоположное мнение этому представлено в монографии А. Е. Карлинского, оставляющего за термином обозначение только тех отклонений от но «интерференция», мы в речи билингва, которые происходят на уровне чем, те отклонения от нормы, происходящие в речи билингва, он делит на интерференцию и интеркаляцию: «Мы предлагаем понимать под интерференцией только случаи отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на Я2 (второй язык. – Н.П.) под влиянием Я1 (родной язык). Случаи отклонения от нормы в речи билингва на Я1, которые

¹⁴ Там же, С 88.

¹⁵ Там же, С. 88.

возникают в результате влияния Я2, будем называть интеркаляцией. Интеркаляция состоит в использовании билингвом элементов Я2, имеющих эквиваленты в его родном языке»¹⁶ (Карлинский, 1990, с.127).

Интерференция, по мнению А.Е.Карлинского, – это отрицательный перенос навыка, происходящий при комбинированном виде двуязычия. Так как при комбинированном виде двуязычия один из языков является доминирующим, то интерференция происходит в речи на не доминирующем языке: «Я1, в силу отсутствия тренировки и потери навыков становится фактически Я2, а Я1, приобретает роль доминирующего языка. Ошибки в речи такого билингва на родном языке следует рассматривать, по нашему мнению, не как интеркаляцию, а как интерференцию, т.е. как отрицательный перенос навыка»¹⁷.

Те отклонения от нормы билингва, которые при определенных обстоятельствах проникают в компетенцию всех членов данной языковой общности и становятся фактами языка обязательными для его носителей, в том числе одноязычных, т.е. приобретают социальный статус, став фактами языковой системы, А.Е.Карлинский, разумеется, разграничив их, называет трансференцией и транскаляцией. Транскаляция (Я1 – Я2) представляет собой процесс, реверсивный по отношению к трансференции (Я1 – Я2), т.е. основное различие между этими процессами в направление языкового влияния: при трансференции Я2, изменяется под влиянием Я1, при транскаляции наоборот – Я1, изменяется под воздействием Я2¹⁸.

Таким образом, А.Е. Карлинский проводит своеобразное терминологическое разграничение понятий: изменения, наблюдаемые при синхронном языковом анализе, названы интерференцией и интеркаляцией, а те изменения, которые стали фактами языка, наблюдаемые при диахронном анализе, названы трансференцией и транскаляцией.

4. Ряд исследователей считает необходимым различать в самих

¹⁶ Карлинский, А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 127.

¹⁷ Там же, С. 128.

¹⁸ Там же, С. 144.

терминологических обозначениях процесс и его результаты. С.В. Семчинский, например, считает, что термин «интерференция» не удобен, потому что им обозначаются не только, но и сам процесс нарушения норм взаимодействующих языков»¹⁹. Поэтому он предлагает называть результаты взаимодействия языков заимствованиями понимая этот термин происхождения на разных уровнях языковой системы, а термин "интерференция" использовать для обозначения "различных тенденций в языковом развитии". Ю.А. Жлуктенко в понятие "интерференция" включает и заимствование. А.Т. Тихонов считают, что интерференция и заимствование - "это взаимосвязанные явления, но не тождественные. Их надо различать, но нельзя разрывать". Л.И. Баранникова считает, что интерференция и заимствование" явления не только различные, но во многом прямо противоположные".

Различия между заимствованием и интерференцией, по мнению Л.И. Баранниковой, заключаются в следующем:

1. При заимствовании в языковую структуру проникает чужеродный элемент, который подвергается в ней ассимиляции. При интерференции меняется сама структура или отдельные элементы под влиянием воздействия извне;

2. Заимствоваться могут отдельные материальные элементы в составе языковой структуры, заимствование связей и отношений этих элементов с другими элементами не происходит. Интерференция же связана именно с воздействием связей и отношений, сложившихся в системе одного языка, на систему другого языка, усвоения материальных элементов чужой системы при этом не происходит.

3. Заимствование характерно для менее организованных систем (уровней, ярусов) языка. Интерференция охватывает прежде всего структурно более строго организованные системы языка.

Есть и другие спорные моменты в определении интерференции.

¹⁹ Семчинский С.В. Семантическая интерференция мов. – Київ: Вищ. школа, 1974. – С. 76.

4. В данной работе под интерференцией понимаем «... изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причем не имеет значения, идет ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке, усвоенном позднее»²⁰ интерференция может возникать в речи билингва при взаимодействии двух языковых систем, где имеются структурные расхождения; взаимодействующие системы обычно бывают, если учесть степень владения ими билингвом, не равноценными, т.е. одна является первичной (доминирующей) по отношению к другой (вторичной).

Обычно интерференция возникает в речи билингва на вторичной системе под влиянием первичной (доминирующей) системы. Лингвистической причиной возникновения интерференции являются те структурные расхождения, которые есть в сталкиваемых языковых системах. Главные из них: 1) наличие дифференциального признака в родном языке и отсутствие данного признака во втором языке; 2) наличие дифференциального признака во втором и отсутствие данного признака в родном; 3) наличие в обоих языках различных дифференциальных признаков в одной и той же системе.

Изменения при интерференции охватывают все параметры языка: они сказываются на его различных уровнях. Поэтому обычно говорят о фонологическо-фонетической, лексико-грамматической, грамматической.

Интерференцию можно исследовать при всех видах двуязычия, но особый интерес представляет субординативное двуязычие. При субординативном двуязычии, считает В.Ю.Розенцвейг, происходит явная интерференция (нарушающая строй данного языка), а при координативном происходит скрытая (отклонение от нормы не нарушает строя языка)²¹.

В другой работе В.Ю.Розенцвейг, отстаивая мнение о наличии при двуязычии третьей «промежуточной», системы, предлагает различать

²⁰ Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 93-94.

²¹ Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. – Л.: Наука, 1972. – С. 16.

прямую и косвенную интерференции. Первая характеризуется «... лингвистическим переносом в промежуточную систему сопоставляемых двух языков правил одного из контактирующих языков, преимущественно родного языка», вторая - «исключением (из этой системы) правил родного и неродного языков, не поддающихся обобщению»²².

Проявление интерференции зависит и от того, какие языки (родственные, неродственные) контактируются при двуязычии. Интерференция более явственно и ощутимо обнаруживается при контактировании неродственных языков, но более устойчива и долговечна при контактировании близкородственных языков. Это связано с тем, что носитель другой языковой системы, не находя опоры в родном языке, настойчиво вживается в строй чужого языка, все более и более освобождаясь от влияния родного языка. А.А. Реформатский совершенно справедливо указывает, что трудно усвоить звуки чужого языка, совершенно отсутствующие в родном языке. Но неизмеримо труднее усвоить чужие звуки, имеющие общие черты со звуками родного языка и чем больше общих черт, тем труднее достигнуть правильного, точного произношения.

При изучении языков на первых порах интерференция шире в осваиваемом языке, но потом, если второй язык станет доминирующим, влияние со стороны второго языка может сказаться сильнее на первом, т.е. родном языке.

Об интерференции можно говорить не только в отношении устной речи, но и при отражении ее на письме, т.е. в письменной речи.

В связи с изучением интерференции у лиц, знающих более двух языков, исследователи отличают первичную и вторичную интерференции. Под первичной интерференцией понимание второго языка на третий, изучаемый. Виноградов В.А., основываясь на достаточно широком обзоре литературы, делает совершенно справедливый вывод, что на вновь

²² Там же, С. 25.

изучаемый язык переносятся не только особенности системы родного языка, но и системы ранее изученного иностранного языка, на котором осуществлялась речевая деятельность человека. Исследования ряда авторов свидетельствуют о том, что искажение вторичной языковой системы может исходить под одновременным влиянием системы родного языка и других, ранее изученных языков²³.

Ряд исследователей в зависимости от влияния языков друг на друга различают прямую (влияние родного языка) и обратную (влияние второго языка) интерференции.

При различных лингво-социологических видах двуязычия характер возникновения интерференции и результаты ее бывают различны. «С социальной и собственно лингвистической точек зрения необходимо прежде всего разграничивать случаи, когда интерференция возникает: 1) при контактах определенных коллективов, носителей языка или диалекта и 2) при взаимодействии системы своего и чужого языка в процессе изучения последнего»²⁴, т.е. в первом случае мы имеем дело с контактным двусторонним двуязычием во втором – неконтактным двуязычием. Но в ряде случаев оба типа совмещаются: в условиях, например, Сурхандарьинской области Республики Узбекистан узбекско-русское двуязычие развивается как в результате изучения русского языка через школу, так и в результате непосредственного контакта носителей русского и узбекского языков.

Когда идет речь о характере и результатах интерференции, надо учитывать еще один вид двуязычия: контактное одностороннее двуязычие. Так как при контактном одностороннем двуязычии двумя языками владеют носители и одного из двух контактирующих языков, интерференция /напр., в условиях русско-узбекского двуязычия проявляется в русской речи

²³ Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990 – С. 41.

²⁴ Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – 94 с.

узбеков и в некоторой степени в узбекской речи русских, т.е. в первом случае происходит прямая интерференция, а во втором обратная. Прямая интерференция, т.е. нарушение норм русского языка узбеками, может не стать фактами языковой интерференции для русского языка. Обратная интерференция проявляясь на уровне речи при особых случаях может стать языковой интерференцией. Например: в условиях русско-узбекского одностороннего двуязычия к фактам языковой интерференции можно отнести: 1) появление фонем /Ф/, /В/ - губно – зубных, /ц/ - зубной в системе фонем узбекского языка; 2) появление новых сочетай согласных типа СС + Г, ССС + Г в начале слов, Г + ССС, Г + СССС в конце и середине слов; 3) изменения в морфемной структуре слов, когда выделяются новые для узбекского языка морфемы: -изм – ист, -ация, -кит. д.; 4) тенденцию к образованию новых слов, состоящих из собственных элементов и заимствованных / напр., бетонщик – бетончи, бальзамирование – бальзамлаш; 5) появление новых типов слов, калькируются: которые телефонлаштириш, телеэштириш; 6) активизацию тенденции к различению существительных мужского и женского родов в названиях лиц и профессий /напр., активист – активистка, медалист – медалистка, лаборант – лаборантка, студент – студентка и т.д.

К такой, т.е. языковой интерференции можно отнести и влияние литературного языка на диалекты.

Когда идет речь о причинах возникновения интерференции различают межъязыковую и внутриязыковую интерференции. Речевые ошибки, обусловленные влиянием родного языка, называются межъязыковой интерференцией.

Речевую интерференцию можно выявить двумя путями: 1) изучением фактических ошибок билингвов; 2) сопоставлением разных систем и структур языков в синхронном плане. Этот способ У. Вайнрайх называет

«микроскопическим», а Э. Хауген «двуязычным описанием»²⁵.

Изучение фактических ошибок позволяет непосредственно обнаружить некоторые трудности овладения учащимся вторым языком в конкретных условиях. Однако, фактические ошибки являются результатом взаимодействия многих разнообразных факторов: лингвистических, физиологических, психологических, индивидуальных, случайных, субъективных. Так, написание «нодали» вместо «ждали» в диктанта учащихся – узбеков не является интерференцией, потому что такое написание или произношение нельзя объяснить с точки зрения влияния ни родного литературного языка, ни диалекта, ни других языков, которые знают они. Иногда трудно решить вызвана ошибка интерференцией или нет.

Сопоставление разных систем и структур как лингвистический способ изучения интерференции предоставляет объективные данные о системных и структурных различиях в двух взаимодействующих языках, позволяет предвидеть область и характер трудностей для изучающих и научно обосновать систему упражнений по изучаемому языку при данном родной языке. Однако этот путь учитывает динамики навыков в психологии, индивидуальных способ влияет вне внимания социальные условия, языковые ситуации, влияющие на появление ошибок. Поэтому хорошие результаты могут быть достигнуты при обоих способов сочетания обоих способов.

§ 1.2. Основные виды интерференции

Виды интерференции выделяют по нескольким критериям. Интерференция может быть коммуникативно-релевантная, т. е. нарушающая взаимопонимание собеседников, и коммуникативно-нерелевантная, не мешающая взаимопониманию. Интерференция бывает синхроническая и динамическая. Синхроническая интерференция неизменна. Она всегда остается у обучаемого, например, его акцент.

²⁵ Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. Ю. А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа. 1979. – С. 32.

Динамическая интерференция предшествует первому типу хронологически, она отражает процесс прогрессивного движения учащегося в освоении языка и может быть преодолена.

По типам, связанным со спецификой речевой деятельности, разграничивают продуктивную интерференцию (при порождении речи) и рецептивную интерференцию (при понимании). Интерференция в продуктивных видах речевой деятельности поддается прямому наблюдению и выражена сильнее, чем в рецептивных видах речи.

В зависимости от характера отклонения речи от норм выделяют комбинаторную и модификаторную интерференцию. Комбинаторная интерференция — это наличие в речи элементов другой языковой системы или организация языковых элементов по законам иной системы. Модификаторная интерференция ведет к появлению в лингвистическом элементе черт или признаков коррелирующего элемента другой системы, например, фонемных признаков или признаков грамматического класса: произношение узбекского (л)и(л,ль) русского языка.

Наконец, виды интерференции выделяются в соответствии с подсистемами языка: по языковым и речевым уровням, на которых она возникает. Это интерференция звуковая (фонетическая или фонологическая), орфографическая, пунктуационная, лексическая, морфологическая, синтаксическая, семантическая (реалии, многозначность, синонимия, омонимия), стилистическая (функциональные стили), культурная или социокультурная.

Для того чтобы помочь ученику преодолеть интерференцию, учитель должен представлять, что, из какого языка заимствовано, к какому уровню относится импортированный элемент и что говорящий с ним делает: простую субституцию или модификацию.

§ 1.3. Интерферирующее влияние родного языка на иностранные языки

В первую очередь следует определить речевой уровень, на котором происходит интерференция и уточнить, какой именно элемент иного языка, говорящий использует, вводит в свою речь. «Импортированный продукт» (матрица) может представлять собой изолированный элемент или структуру другого языка. Далее следует сравнить оригинал (заимствованный элемент в языке-доноре) и то, что получилось в итоге в языке-реципиенте. Изменение единицы второго иностранного языка по законам родного или первого иностранного является модификацией.

Субституция возможна в двух видах: субституция единицы и субституция структуры. *Субституция единицы* — это перенос единицы языка-донора в язык реципиент, иногда с изменением заимствованного слова по фонологическим или грамматическим законам языка-реципиента. *Субституция структуры* — это перенос синтаксической структуры языка-донора в язык-реципиент.

Культурная интерференция вызвана не самой системой языка, а культурой, которую данный язык отражает. Вызвать интерференцию могут сходные в разных культурах реалии, явления, нормы поведения, например, неодинаковые формы речевого этикета. Так, в русском языке «пожалуйста» используется как формула вежливости, имеющая нюанс значения «не за что», употребляющаяся как ответ на «спасибо». В английском и французском языках «please» и «s'ilvousplait» этих значений не имеют. В зависимости от порядка изучения языков интерференция, обусловленная данным несовпадением речевой практики, будет более или менее выражена. В случае изучения французского языка после английского культурный перенос чаще осуществляется из и Я1, поскольку на уровне бытовой культуры европейские сообщества во многом схожи. Большое значение имеет степень владения социокультурными навыками первого иностранного языка. Чем она выше, тем вероятнее положительный перенос.

Семантическая интерференция возникает по причине того, что известные говорящему явления отражены в новом языке иначе, чем в уже известных языках. Например, черный хлеб русские учащиеся называют по-французски *poir* вместо *rainbis*. Английский язык как первый иностранный усиливает вероятность интерференции (*brownbread*). По характеру семантическая интерференция чаще бывает субституционной. Она может выражаться во введении в речь не только иноязычных единиц, но и структур. Распространенным типом данной интерференции являются попытки учеников пословно перевести на французский язык русские или английские пословицы, поговорки и устойчивые словосочетания.

Лексическая интерференция – это вставка иноязычной лексики в речь на новом языке. При изучении французского языка на базе русского и английского источником интерференции, как правило, является первый иностранный язык. Некоторые лексические единицы иностранных языков очень похожи, поэтому при сходных условиях освоения лексем (в обоих случаях школьное обучение) вероятность такой интерференции велика. Лексическая интерференция может быть, как модификационной, так и субституционной. Модификационной интерференцией является, например, расширение или сужение значения лексической единицы нового языка по аналогии с похожей единицей в языке-доноре. Частотной субституционной интерференцией является перенесение сходных лексических единиц в новый язык с их обработкой по фонетической модели языка-реципиента, например, «изобретение» глагола «*rester*» в значении «отдыхать» по аналогии с английским «*to rest*».

Грамматическая интерференция также частотна при овладении вторым иностранным языком, как и лексическая. Характер грамматической интерференции различается в морфологии и синтаксисе.

Морфологическая интерференция – это наблюдаемые в речи отклонения от нормы, связанные с нарушением категориальных признаков частей речи, возникающие под влиянием соответствующих категорий

интерферирующего языка. Отклонения от нормы могут быть как формальные (ошибки в спряжении, например), так и функциональные (неадекватное употребление грамматических форм). Модификационной интерференцией является изменение формы или функции морфемы языка-реципиента по грамматической модели языка-донора. Присвоение французскому существительному родовых признаков русского слова. Субституционной интерференцией является использование морфем языка-донора в языке-реципиенте, а также использование грамматических отношений языка-донора для морфем языка-реципиента или пренебрежение грамматическими отношениями нового языка, не имеющими прототипа в уже известных языках. Например, в области спряжения французского глагола, учащиеся показывают стойкую тенденцию забывать окончание глагола -s во втором лице настоящего времени. В этом проявляется влияние английского языка, где второе лицо глагола не имеет специфического окончания, в отличие от третьего лица. Типичной ошибкой, которая объясняется морфологической интерференцией, является неправильное управление глагола, т. е. употребление между глаголом и его дополнением неадекватных предлогов, например, употребление французского глагола *aider* с предлогом *a* по аналогии с русским «помочь кому-то». Многие неправильные употребления предлогов и артиклей вызваны интерференцией данного типа. Так, французское выражение «*dans la rue*» в начале обучения всегда становится объектом интерференции с русским и английским «*on the street*», «на улице». У учеников, знающих французский язык, аналогичная интерференция наблюдается в английском как втором иностранном языке: *on the page five* (вместо *at the page five*) по аналогии с французским *a la page cinq* и с русским *на странице пять*.

Грамматическая синтаксическая интерференция связана с нарушениями сочетаемости элементов языка-реципиента в речевой цепи под воздействием моделей сочетаемости языка-донора. Она проявляется в неосознанной имитации синтаксических структур РЯ или ИЯ1. Имитация

синтаксических структур выражается в трех самых распространенных типах синтаксических построений. *Во-первых*, это плюс-сегментация, т. е. увеличение элементов в языке-реципиенте под влиянием дистрибутивных правил (правил сочетаемости лингвистических единиц) языка-донора. *Во-вторых*, это минус-сегментация, т. е. уменьшение числа элементов в языке-реципиенте под влиянием соответствующих моделей языка-донора. Наконец, возможна репласация, т. е. перестановка элементов модели языка-реципиента под влиянием правил языка-донора. Распространенный случай этой интерференции — это постановка любого французского прилагательного перед существительным, в позицию, свойственную английскому и русскому языкам.

Фонологическая интерференция проявляется в интонационном рисунке речи, ее ритме и артикуляции фонем. Она заметна также в акцентуации речи, изменении типа ассимиляции (прогрессивная в узбекском, регрессивная в русском-отдан(оттан), сдать(здать)) и пр. Ошибочная артикуляция вместе с интонацией создают иностранный акцент, который сложно преодолеть. Артикуляция фонем родного или первого иностранного вместо фонем и Я2 — распространенная фонетическая интерференция субституционного типа. Например, произнесение палатализованной русской фонемы [ть] вместо верялизованного (т) узбекского звука. Модификационная фонетическая интерференция происходит через смешение фонемных признаков и приводит к образованию специфических аллофонов, по которым можно с большой долей уверенности сказать, в какой последовательности изучались иностранные языки конкретным человеком. Таким аллофоном является, например, произношение твердого (ш) русского языка с смягчением в узбекской речи.

Причиной возникновения того или иного типа фонетической интерференции является восприятие фонемных признаков чужого языка как различительных и избыточных. Различительный признак дифференцирует

(различает) две фонемы одного языка. Например, [o] и [ɒ] различаются по признаку назальности. Недоразличение такого признака, его восприятие как не важного (избыточного) ведет к неправильной артикуляции звука.

Графическая и орфографическая интерференция проявляется на письме: происходит перенос в изучаемый язык правил написания слов другого языка. Это порождает орфографические ошибки и графические несообразности. Эта интерференция очень распространена, так как большой процент общей лексики в узбекском и русском провоцирует ученика на ошибку.

§ 1.4. Причины проявления интерференции

Ученые-лингвисты выделяют следующие факторы, от которых зависит появление интерференции:

1. Структурные расхождения между родным и изучаемым языками.
2. Сложившаяся в сознании билингва программа пользования родным языком.
3. Недостаточное знание лексического и грамматического материала русского языка и отсутствие прочных умений и навыков применения усвоенного.
4. Психологический барьер (боязнь вступать в контакт).

По происхождению интерференция бывает внутренней (внутри родного языка) и внешней (при взаимодействии языков).

По характеру переноса навыков родного языка на изучаемый язык выделяют прямую (перенос норм своего языка на другой язык) и косвенную (ошибки наблюдаются в употреблении таких языковых явлений, которые отсутствуют в родном языке).

По характеру проявления интерференция может быть явной (вводятся элементы своего языка) и скрытой (упрощение, обеднение выразительных возможностей языка: исключается то, что может привести к ошибкам), которую трудно заметить и бороться с ней.

По лингвистической природе интерференция наблюдается на

различных уровнях:

а) Фонетическая интерференция связана с различными отклонениями от произносительных норм. На данном уровне сопоставляются дифференциальные признаки, а также правила распределения фонем. Интерференция на фонологическом уровне может быть вызвана не только ошибочным установлением фонологических соответствий как верно замечает Хауген: «... даже соображения семантического порядка могут препятствовать однозначному воспроизведению фонем языка с помощью фонем языка».

б) Грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящих в систему языка, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка, что ведет к нарушению языка, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка .

Неудачи в проведении различий между грамматическими категориями языка, имеющими смысловое значение, очень часто наблюдаются в ситуациях языкового контакта.

в) Хорошо распространена лексическая интерференция. Ввиду легкости распространения лексических единиц (по сравнению с фонологическими и грамматическими правилами) для заимствования слов достаточно минимального контакта между языками. При массовом двуязычии лексическое влияние одного языка на другой может проявляться достаточно сильно. При определенных социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций.

Лексические заимствования можно исследовать с точки зрения фонологического, грамматического, семантического и стилистического встраивания новых слов в заимствующий язык.

С фонологической точки зрения перенесенные лексемы могут либо

подвергнуться изменениям, направленным на то, чтобы привести их в соответствие с синтагматическими и парадигматическими правилами звуковой системы языка, либо, напротив, может быть сделана попытка сохранить их звуковую оболочку в неприкосновенности и рассматривать их как своего рода фонологические цитаты из языка.

С грамматической точки зрения лексические заимствования также подлежат ассимиляции в рамках системы языка.

С точки зрения семантики и стилистики заимствованная лексика может сначала оказаться в положении свободного варьирования со старым словарным запасом, но в дальнейшем, если и родное и заимствованное слово выживают, обычно происходит специализация значений. Таким образом, двуязычие большинством лингвистов понимается как владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения. Абсолютного владения (дублирования), по-видимому, не бывает. Разграничение проводится в зависимости от того, к кому обращена речь на одном из языков, при каких обстоятельствах, что должно быть высказано.

С лингвистической точки зрения описание ситуаций двуязычия может быть представлено как набор языковых вариаций, которыми располагают двуязычные индивиды и правил их использования в зависимости от той или иной сферы их общественных и личных связей.

Факты явлений интерференции могут быть обнаружены на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях языка.

Интерференция с особой силой дает знать о себе при морфологическом оформлении смыслоразличительных признаков.

Итак, изучение двуязычия и интерференции с позиции коммуникативной, когнитивной, социолингвистической лингвистики остается весьма актуальным и важным как теоретически, так и в связи с потребностями современного общества.

Выводы по первой главе

Изучение научной литературы свидетельствует, что вопросы интерференции интенсивно разрабатываются не только в языкознании, но и в других науках. В языкознании вопросы интерференции изучались И. Эпштейном, Актес и др. Однако в своем широком распространении в лингвистике термин "интерференция" обязан работе У. Вайнрайха "Языковые контакты: состояние и проблемы исследования".

Исследователями выделяются следующие виды интерференции: 1. В зависимости специфики речевой деятельности, разграничивают продуктивную интерференцию (при порождении речи) и рецептивную интерференцию (при понимании); 2. В зависимости от характера отклонения речи от норм выделяют комбинаторную и модификаторную интерференцию; 3. В соответствии с подсистемами языка: по языковым и речевым уровням, на которых она возникает. Это интерференция звуковая (фонетическая или фонологическая), орфографическая, пунктуационная, лексическая, морфологическая, синтаксическая, семантическая (реалии, многозначность, синонимия, омонимия), стилистическая (функциональные стили), культурная или социокультурная.

ГЛАВА II. СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

§ 2.1. Сравнительная типология среди других отраслей языкознания

«Наиболее общими и необходимыми в грамматике каждого языка категориями являются части речи. С выяснения вопроса о частях речи начинается грамматическое описание любого языка». Поэтому вопрос о классификации частей речи всегда находился и продолжает находиться в центре внимания лингвистов. Все слова того или иного языка обычно классифицируются на основе определенных норм, условий и критериев.

Последние десятилетия были ознаменованы необычайно быстрым ростом исследований, посвященных сопоставительному изучению языков. Это неслучайно. Сопоставительное изучение языков (в том числе и близко родственных) представляет значительный интерес как в практическом, так и в теоретическом отношении. Теоретическое значение сопоставительных исследований заключается в том, что они позволяют изучать сходства и различия в способах выражения одних и тех же содержательных категорий, определить, как в разных языках удовлетворяются сходные функциональные потребности, глубже вскрыть функциональную эквивалентность языков на различных языковых уровнях при сопоставлении как системном, так и функциональном, а также при сопоставлении на уровне нормы и речевого узуса.

Сопоставление помогает с большей полнотой выявить функциональный потенциал и границы функционирования изучаемых категорий (например грамматических), определить речевые условия их употребления, установить различие функций при сходстве системных отношений и сходство функций при материальных различиях. По справедливому замечанию П. В. Щербы, сопоставительное изучение языков позволяет выявить характерные различия, касающиеся выбора лексических и грамматических средств «одного и того же куска действительности»,

ГЛАВА II. СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

§ 2.1. Сравнительная типология среди других отраслей языкознания

«Наиболее общими и необходимыми в грамматике каждого языка категориями являются части речи. С выяснения вопроса о частях речи начинается грамматическое описание любого языка». Поэтому вопрос о классификации частей речи всегда находился и продолжает находиться в центре внимания лингвистов. Все слова того или иного языка обычно классифицируются на основе определенных норм, условий и критериев.

Последние десятилетия были ознаменованы необычайно быстрым ростом исследований, посвященных сопоставительному изучению языков. Это неслучайно. Сопоставительное изучение языков (в том числе и близко родственных) представляет значительный интерес как в практическом, так и в теоретическом отношении. Теоретическое значение сопоставительных исследований заключается в том, что они позволяют изучать сходства и различия в способах выражения одних и тех же содержательных категорий, определить, как в разных языках удовлетворяются сходные функциональные потребности, глубже вскрыть функциональную эквивалентность языков на различных языковых уровнях при сопоставлении как системном, так и функциональном, а также при сопоставлении на уровне нормы и речевого узуса.

Сопоставление помогает с большей полнотой выявить функциональный потенциал и границы функционирования изучаемых категорий (например грамматических), определить речевые условия их употребления, установить различие функций при сходстве системных отношений и сходство функций при материальных различиях. По справедливому замечанию П. В. Щербы, сопоставительное изучение языков позволяет выявить характерные различия, касающиеся выбора лексических и грамматических средств «одного и того же куска действительности»,

помогает установить, «в сколь разнообразных формах может воплощаться мысль»²⁶. Сравнение позволяет глубже вскрыть такие закономерности и особенности в системе сопоставляемых языков, которые остаются скрытыми при их внутриязыковом изучении. Практическое же значение сопоставительных исследований давно доказано: сравнение служит основой перевода, имеющего своей целью преобразование особенностей одного языка в речевую структуру другого. Сопоставление языковых систем, подсистем, грамматических категорий и средств их выражения является основой методико-дидактических и учебных пособий. Без знания сходств и различий между языками нельзя построить эффективную методику преподавания языка как неродного. Наконец, сопоставление с системами и подсистемами других языков позволяет глубже осознать особенности системно-структурной организации функционирования родного языка.

Одним из приемов научного изучения языков является сопоставление фактов изучаемого языка с соответствующими фактами родного языка. Такое сопоставление способствует выявлению не только общего и сходного, но и различного и особенного в каждом из сопоставляемых языков. Именно в этом и состоит отличие сравнительно-исторического изучения родственных языков, имеющих в виду, главным образом, изучение родственных, так и не родственных языков, которые ставят целью выявление не только общего, но особенного, специфического в изучаемых языках.

Объектами сравнительно-исторического исследования (изучения) родственных языков служат словарный состав, фонетическая система и грамматический строй только родственных языков. Изучая эти объекты в сравнительном плане, исследователь выявляет генетическое родство этих языков, то есть устанавливает, какая форма из какой возникла и во что превратилась, какие фонетические, грамматические изменения произошли

²⁶ Щерба Л.В. О понятии смешений языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. – Л., 1958. – С. 40-53.

в родственных языках по сравнению с общей первоначальной формой, а также какие изменения, отклонения произошли в значении тех или иных слов. Все эти вопросы, конечно, изучаются в историческом развитии, то есть рассматриваются взаимоотношения родственных языков на разных этапах исторического развития. Сопоставительное исследование таких вопросов перед собой не ставит. Объектом его исследования служат лексика, фонетическая система, грамматический строй. В языкознании при сравнительном изучении родственных языков принят термин «сравнительный» (сравнительное изучение), а при сопоставительном изучении не родственных языков термин «сопоставительный» (сопоставительное изучение, сопоставительная грамматика). Сравнительное исследование строя родственных языков как особая лингвистическая специализация возникла в связи с широким изучением русского языка. Начиная с 30-х годов интерес к сопоставительному изучению разно системных языков значительно возрастает.

Одним из первых ученых лингвистов глубокого изучения строя русского и национальных языков в сопоставительном плане был профессор С.Д.Поливанов, его книга «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком», представляющая большую ценность как в сопоставительном плане, так и в выработке у студентов системы научных взглядов на общее и специфическое в языках и дать им конкретные знания о сходстве и различиях в фонетическом и грамматическом строе русского и узбекского языков.

С одной стороны, сравнительная типология способствует более глубокому осмыслению языковых явлений и тем самым содействует общему лингвистическому развитию студентов. Типологическая классификация языков связана со сходством и типами языков. Немецкий лингвист конца XVIII и начала XIX века Фридрих Шлегель попытался обозначить типы языков. В своей книге «О языке и мудрости индейцев» (1808 г.) Ф.Шлегель, О языке и мудрости индейцев.

Индия, 1808. 230 с. он сравнил санскритский язык с латинским, греческим и турецким языками и пришел к выводу, что языки могут быть разделены на 2 типа:

1. Флективные языки. 2. Агглютинативные языки.

Однако его теория была опровержена наукой, так как он говорил о языковой расе. Он думал, что флективные языки имеют характерную черту: они богаты и прочны, а агглютинативные языки являются менее прогрессивными, начиная с самого начала своего существования. Агглютинативные языки бедны и искусственны. Его брат Август Вильгельм, принимая во внимание взгляды лингвиста Бопа и других его сподвижников, расширил предложенную его братом типологическую классификацию языков.

1. Флективные языки

2. Агглютинативные языки.

3. Бесформенные языки (не имеющие аффиксов).

Бесформенные языки, по его мнению, это такие языки, в которых отношение между ними выражаются только словами. Такие языки не имеют языковых форм. Второй вклад Августа Шлегеля в науку заключили в том, что по его определению, флективные языки имеют как аналитическую, так и синтетическую форму. Немецкий ученый Вильгельм Гумбольдт более глубоко подошел к вопросу о типах языков. Гумбольдт более глубоко в лингвистических трудах уделил внимание структуре данного языка и языковым различиям. Поддерживая взгляды Шлегеля в отношении «языкового типа» Гумбольдт добавил, что флективные языки включают в себе аффиксацию, помимо того, что они способны изменять гласные и согласные в корнях слов. Например, есть такие формы слов, которые выражаются при помощи порядка слов, интонации и вспомогательных слов.

Такие языки называются аналитическими языками, потому что форма слова выражается не в самом слове, а вне этого слова. К вышеизложенным Гумбольдт предложил четвертый тип, который назвал

корпоративным (объединенными). В таких языках одно предложение равняется слову. В этих языках слова соединяются посредством грамматического значения.

Например: (китайский) - я - мес - ед : я мес - ед дословный перевод. По - русски оно звучит так «Я ем мясо». Эти языки также называются и полисинтетическими.

Из классификаций языков наиболее известны (генеалогическая) генетическая (лингвистическая) морфологическая. Если в генетической (генеалогической) классификации языки сгруппированы по признаку общности их происхождения.

По генеалогической (генетической) классификации русский язык входит в состав славянской ветви индоевропейских языков, а узбекский язык — в тюркскую группу алтайских языков. Согласно морфологической классификации языки образуют две основные группы:

- а) Языки не имеющие аффиксов:
- б) Языки с аффиксами, подразделяющимися в свою очередь на флективные (от латинского «сгибание») и агглютинативные («склеивающие» — от латинского приклеивать).

Русский язык, как и другие индоевропейские языки, относится к флективным языкам, а узбекский язык, как и все прочие тюркские — к агглютинативному типу, в который также включается финно-угорские языки, монгольский, японский и некоторые другие, типология делится на

- общую типологию;
- частную типологию.

Общая типология изучает общие проблемы, связанные со схожими и различными характеристиками языка. Частная типология изучает проблемы, более ограниченного характера, в частности она исследует структуру одного или нескольких языков. Типология (общая или частная) исследует как родной, так и не родные языки, Типологические исследования обычно проводятся отдельно на фонологическом, морфологическом и

лексическом уровнях.

Помимо общей и частной типологии, также имеется и территориальная

типология. Задача территориальной типологии исследовать общие типологические характерные особенности языков, которые территориально связаны. Например, узбекский и таджикский языки несмотря на то, что принадлежат к разным семьям, каждый может заметить некоторые сходства в фонологической, морфологической и лексической системе.

Причины такой взаимосвязи следующая:

Люди, говорящие на этих языках связаны между собой сотни лет

Территориальная близость, так же сказывается на структуре языков
Сравнительная типология русского и узбекского языков является разделами частной типологии. Задача частной типологии:

Показать методы и пути сравнения структур изучаемых языков:

Принять во внимание компоненты, структуру узбекского языка, которые соответствуют структуре родного языка:

Одним из главнейших понятий лингвистической типологии — это понятие «языковой тип». Для разграничения понятия «языковой тип», мы должны различать некоторые особенности языков, которые составляют их характеристику.

Сущность сравнительно-сопоставительной лингвистики иногда объясняют так как обогащение приемом сравнения концептуального аппарата специального метода языкового, как правило, синхронного описания. При этом учитывается, что сопоставляемые языки при применении системно-функционального подхода находятся в отношениях системной и функциональной эквивалентности. Предметом сопоставления могут быть языковые системы или же отдельные единицы языка как составная часть систем. Поэтому конфронтация должна базироваться на ясной и точной теории языковых систем. Практика современных сопоставлений — это требование в общем выполняет без труда.

§ 2.2. Сопоставительная и типологическая лингвистика

Лингвистическая типология (от греческого *typos* - отпечаток, форма, образец и *logos* слово, учение) - это наука, изучающая структурные и функциональные свойства языков путем их сопоставления, выявление их общих черт и объединение языков в некие классы, группы, типы. Особенность типологии заключается в том, что она строится на основе обобщения данных всех других лингвистических дисциплин: общего языкознания, истории языка, фонологии, грамматики, лексикологии и т.п. Практическое значение типологии в процессе подготовки учителя иностранного языка состоит в том, что она позволяет прогнозировать и преодолевать затруднения, обусловленные типологическими особенностями разных языков при реализации всех основных коммуникативных компетенций.

Лингвистическим направлением, связанным с сопоставлением языков, является лингвистическая типология, зародившаяся в рамках сравнительно-исторического языкознания в первой половине XIX века и связанная с именами А. Шлегеля, А. Шлейхера, В. Гумбольдта. Типологические исследования имеют целью установление по тем или иным признакам общих типов языков мира.

Ф. Шлегель сопоставил санскрит с греческим, латинским, а также с тюркскими языками и пришёл к выводу, что существует два типа языков: флективные и аффиксирующие. Флективным языкам свойственно богатство, прочность и долговечность, а аффиксирующим свойственны бедность, скудость и искусственность.

А.В. Шлейхер переработал типологическую классификацию языков Ф. Шлегеля, в результате чего добавил третий тип аморфный. Во флективных языках он показал две тенденции развития грамматического строя: синтетическую и аналитическую.

В лингвистике XX века на базе лингвистических типологических

исследований возникла лингвистика универсалий. Языковые универсалии — свойства, присущие всем языкам или большинству из них. Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства. Универсалии языка выводятся из сравнения многих языковых систем.

Общие языковые признаки могут быть обусловлены общим происхождением языков, т.е. их родством, или генеалогией, а также продолжительным географическим и/или культурным контактом. Такие общие признаки называют языковыми универсалиями (от лат. *universalis* — общий, всеобщий). Например, во всех языках выражены отношения между субъектом и предикатом, имеется категория посессивности, определённости/неопределённости, множественности, разграничение на тему в предложении.

Существуют различные классификации универсалий. В соответствии со степенью распространенности типологических сходств выделяют абсолютные (полные, неограниченные) универсалии, простые (утверждающие наличие какого-либо явления в языке) и сложные (выявляющие определённую зависимость между разными явлениями), синхронические и диахронические и др. Универсалиям противопоставлены уникалии, демонстрирующие особенные черты конкретного языка.

Сравнение языков предполагает понятие языка-эталона, под которым в разные исторические периоды развития типологии понимали латынь или другие флективные языки, гипотетически реконструируемый праязык, родной язык. В современной типологии язык-эталон рассматривается как метаязыковой типологический инвариант, выявляемый на основе языковых универсалий и подразделяется на минимальный и максимальный язык-эталон, а также универсальный и частный язык-эталон.

В зависимости от того, какие языки сопоставляются, а также от того, какие цели преследуются в исследовании, выделяют общую типологию и типологию частную, сравнительное и сравнительно-сопоставительное

языкознание, уровневую типологию и типологию отдельного языка, структурную (формальную) и функциональную типологию и т.д. Особое место в типологических исследованиях занимает диахроническая типология, поскольку в результате развития язык может менять свои типологические характеристики и относиться к разным типам в разные исторические периоды.

Основными подходами в типологических исследованиях являются сравнительно-сопоставительный, системный и полевой подходы, которые позволяют выделять типологически существенные признаки языков, доминантные и рецессивные типологические признаки, а так разграничивать понятия языковой тип, тип языка и тип в языке. В качестве методов используется дистрибутивный, компонентный и трансформационный анализы. При описании сходств и расхождений между языками в типологии используют понятия, соответственно, изоморфизма и алломорфизма. Особенности типологии XX века являются уровневый подход, что означает, что типология должна заниматься не только фонологией или морфологией, но и другими аспектами языка. Политипологичный подход подразумевает, что все языки политипологичны, т.е. совмещают в разной степени различные типологические черты. Функциональный подход базируется на постулате, что сравнительная типология должна уделять внимание не только структуре, но семантике и функционированию языковых единиц.

§ 2.3. Виды типологических исследований

Лингвистическая типология — это раздел общего языкознания, который имеет свой предмет, методы, цели. Чтобы определить общую цель типологии, необходимо рассмотреть те конкретные задачи, которые решаются ее разделами. В зависимости от целей и задач, которые решает лингвистическая типология в типологии выделяются несколько разделов, причем разделы рассматриваются по-разному. Выделяют следующие виды типологических исследований:

в зависимости от количества исследуемых языков — общая и частная типологии;

в зависимости от того, направлено ли изучение на структуру языка или на принципы его функционирования в социуме — структурная и социальная (функциональная) типологии;

в зависимости от способа постановки задач исследования таксономическая и объяснительная типологии;

в зависимости от того, рассматриваются ли свойства языка в статике или в динамике — статическая и динамическая типологии.

Общая типология занимается изучением общих проблем, связанных с выявлением суммы сходных и различных черт, характеризующих системы отдельных языков мира».

Философский энциклопедический словарь трактует типологию как метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. Этот термин употребляется и в значении «результат типологического описания и сопоставления»⁷. По способу построения типологии делятся на

эмпирические (основанные на обобщении опытных данных);

теоретические (основанные на создании идеальной модели объекта).

В лингвистике понятие типологии конкретизируется как сопоставительное изучение структурных свойств языков независимо от степени их родства. Кроме того, типология понимается как выделение разновидностей (типов) какого-либо языкового явления.

С типологией тесно связана таксономия — теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, которая занимается разработкой системы таксономических категорий, обозначающих соподчиненные группы объектов. Термином таксономия называется и сама классификация.

В строгом смысле таксономия предполагает классификацию,

в зависимости от количества исследуемых языков — общая и частная типологии;

в зависимости от того, направлено ли изучение на структуру языка или на принципы его функционирования в социуме — структурная и социальная (функциональная) типологии;

в зависимости от способа постановки задач исследования таксономическая и объяснительная типологии;

в зависимости от того, рассматриваются ли свойства языка в статике или в динамике — статическая и динамическая типологии.

Общая типология занимается изучением общих проблем, связанных с выявлением суммы сходных и различных черт, характеризующих системы отдельных языков мира».

Философский энциклопедический словарь трактует типологию как метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. Этот термин употребляется и в значении «результат типологического описания и сопоставления»⁷. По способу построения типологии делятся на

эмпирические (основанные на обобщении опытных данных);

теоретические (основанные на создании идеальной модели объекта).

В лингвистике понятие типологии конкретизируется как сопоставительное изучение структурных свойств языков независимо от степени их родства. Кроме того, типология понимается как выделение разновидностей (типов) какого-либо языкового явления.

С типологией тесно связана таксономия — теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, которая занимается разработкой системы таксономических категорий, обозначающих соподчиненные группы объектов. Термином таксономия называется и сама классификация.

В строгом смысле таксономия предполагает классификацию,

отражающую иерархическую организацию системы объектов. В структуре самой классификации это выражается в иерархии таксономических рангов (например, макросемья семья группа подгруппа в генеалогической классификации языков).

В лингвистике таксономия представляет собой совокупность принципов и правил классификации языков и языковых единиц. При этом различаются качественная и количественная таксономия, т.е. группировка объектов по наличию признаков и во втором случае по степени обладания признаками. Лингвистика занимается классификацией языков и языковых единиц. Языки могут быть классифицированы по общности их материала и происхождения — это дает генеалогическую (генетическую) классификацию языков. Типологическая (структурная) классификация языков строится на основании общности строя языков. Поскольку в центре грамматической системы языка находится морфология, то морфологическая классификация языков, разработанная ранее других негенетических классификаций, именуется также типологической классификацией языков. Морфологическая классификация остается основной типологической классификацией языков, вопрос о создании фонологической и синтаксической классификации языков такого же универсального порядка как морфологическая классификация остается в науке в стадии разработки. Впрочем, и морфологическую классификацию нельзя считать окончательно разработанной.

Создание классификаций языков по внешним признакам (например, классификация по территориальному признаку или по социолингвистическому статусу) также возможно, но имеет для языковедения вспомогательное значение. Такие классификации позволяют рационально расположить информацию о языках для практических целей, но не раскрывают внутренней структуры языка. Поэтому говоря о лингвистической типологии, традиционно имеют ввиду структурную (морфологическую) классификацию. Генеалогическая классификация

исследуется в сравнительно-историческом языкознании и не является предметом типологической лингвистики. Функционально-социологическая классификация языков изучается в социолингвистике.

Наряду с таксономией (понимаемой как теория классификации) и классификацией (понимаемой как результат типологического исследования) выделяют систематику изучение разновидностей объектов и связей между группами объектов.

Несколько классификаций одного и того же множества объектов могут составить единый комплекс классификаций. Для краткости его называют многосторонней, или многоаспектной классификацией.

По мнению Э.Бенвениста, языки представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, используя только несколько самых разных принципов. При этом полная и всеобъемлющая типология должна выстроить иерархию морфологических признаков²⁷. Наиболее разработанной Бенвенист считал классификацию Э.Сепира, но уже А.А.Реформатский разъяснил, что она далеко не полно отражает свойства языков²⁸.

В научной классификации свойства объекта поставлены в функциональную связь с его положением в определенной системе. Развитие науки связано с переходом от описательных классификаций, упорядочивающих в удобной форме накопленные опытные результаты, к структурным, позволяющим раскрыть сущность классифицируемых объектов.

В отдельных разделах языкознания созданы свои, специальные классификации, например, классификация фонем, морфем, грамматических способов, типов предложений, антонимов, синонимов и т.п.

Основные термины типологии тип и класс.

Под словом класс обычно понимают совокупность или группу

²⁷ Бенвенист. Системный взгляд, как основа филологической мысли. – М. 2016. – С.16.

²⁸ Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Аспект-пресс. 1996. – 536 с.

предметов или явлений, обладающих общими признаками.

В типологии класс - это таксономическая категория, т.е. некоторое множество предметов, выделенное по определенному признаку.

Под словом тип в обыденном языке понимается форма, разновидность чего-либо. Это связано с этимологией слова тип — в греческом это слово обозначает «отпечаток, форма, образец». Именно как образец, модель для группы предметов и форму чего-либо разъясняет слово тип Словарь иностранных слов, указывая, что в лингвистике тип — это характеристика основных структурных черт языка. Значение термина тип в языке науки вскрывает Советский энциклопедический словарь: «тип единица расчленения изучаемой реальности в типологии»²⁹.

Наиболее существенный признак понятия тип указывается в Малой советской энциклопедии: «тип основная форма, объединяющая в себе признаки всей группы предметов». Именно такое понимание типа прослеживается и во многих работах по лингвистической типологии. Последнее определение раскрывает различие типа и класса: тип не просто группа предметов, а основная форма, соединяющая в нечто цельное различные структурные признаки предметов данного класса.

Абстрактные свойства классов изучаются в специальном разделе логики логики классов и в математической теории множеств, конкретные свойства классов изучаются соответствующими науками.

В лингвистике выделяются два основных понимания типа:

Тип языка наиболее общее понятие, позволяющее дать краткую характеристику строя данного языка, оно базируется не на всех свойствах данного языка, а на его основополагающих. Именно в таком значении говорят об агглютинативном, флективном и других типах.

Тип в языке обычно отмеченное в нескольких языках качество языковой структуры, как, например, наличие и степень аналитизма,

²⁹ Советский энциклопедический словарь. — Издательство: «Советская энциклопедия». - М. 1990. 4-е издание. — 1344 с.

сингармонизм, наличие/отсутствие определенных групп фонем, тип ударения по месту, качество ударения, наличие/отсутствие изменений на стыке морфем, преобладание суффиксации или префиксации и т.п.

Частная типология изучает типологические характеристики одного языка или ограниченной группы языков. Объектом исследования -система личных местоимений, система суффиксальных морфем, образующих имена деятеля и т. д. Подвид частной типологии историческая (диахроническая) типология – изучает исторические изменения типологии состояний (переход от синтетического типа к аналитическому или изменение структуры грамматических категорий от древнего к среднему и новому периоду истории языка).

Уровневая (аспектная) типология, или типология подсистем, изучает факты отдельных подсистем, уровней языков (фонологических систем, морфологических, лексических систем, типологии слова и т.д.). Ареальная типология исследует общие типологические характеристики и закономерности языков, находящихся на какой-либо определенной территории (ареале) (Балканского полуострова, Восточно-Сибирского ареала), как, например, становление постпозитивного артикля в болгарском, албанском и румынском языках. Сравнительная типология родного и иностранного языков изучает типологические характеристики изучаемого языка относительно родного, выявление наиболее существенных типологических характеристик (признаков) иностранного и родного языков для выработки методов и приемов, с помощью которых можно учитывать компоненты структуры иностранного языка, отсутствующие в родном языке учащихся, а также средства, используемые для их передачи на родном языке обучающихся.

Диахроническая (историческая) типология с задачами изучения исторических изменений типологии состояний отдельных языков, типологии структуры отдельных языков и групп языков. Например, исследование перехода языков от синтетического типа к аналитическому

или изменение структуры грамматических категорий, характеризующих данную часть речи в древний, средний или новый период истории языка. Типологические исследования могут проводиться в области отдельных подсистем, отдельных уровней языков (например, в области фонологических систем, морфологических систем, лексических систем и т. д.). Работа этого цикла называется уровневой или аспектной типологией, или же типологией подсистем.

Диахроническая типология (историческая типология) — направление в типологии, исследующее несходство материальных компонентов сравниваемых языков, а их категориально-содержательные структуры. В диахронической типологии возможно типологическое сходство неродственных языков признание значит, расхождений у родственных. Диахроническая типология связана с идеями универсалий языковых, но выдвигает специфические универсалии. Основным понятием Д. т. является идея общего для всех языков пути развития, проходя который одни языки могут опережать другие; эта идея некоторым образом соотносима с теорией стадильности: 1) языки должны пройти определённый ряд формальных стадий, напр. посессивный — эргативный — номинативный строй; диахронической типологии ищет формальные показатели становления этих стадий; 2) языки сравниваются по критериям содержательно-смыслового характера, при этом не исключена оценка содержат, категорий как стадий. В этом смысле выделяется направление Д. т. как контенсивной типологии³⁰.

В рамках диахронической типологии происходит поиск и выявление диахронический констант, т. е. доминирующих тенденций изменения реального языка. Одно из направлений Д. т. находим причины языковых изменений в речевых установках участников коммуникации. Так, в первую очередь изменяются явления, наиболее важные в коммуникации. Например, чаще всего человек говорит о себе, поэтому языковых изменений связана с морфологией и синтаксисом 1-го л., изменения во 2-м и 3-м л. происходят

³⁰ Типология с. языка и речевое мышление. — Л.: Наука. 1972. — 216 с.

позже; т. о., становление грамматической категории происходит неравномерно — в 1-м л. на каком-то этапе развития может быть иная система времен глагола, чем в 3-м л. В коммуникации среди объектов речи человеческое доминирует над нечеловеческим, живое — над неживым, определенное, известное — над новым и т. д. Например, при глаголах с отрицанием в истории русского языка возникновение вин. п. на месте родительного происходит в первую очередь у одушевлённых существительных, обозначающих лицо (раньше собственных, чем нарицательных, раньше ед. ч., чем мн. ч., раньше муж. рода, чем жен. и ср. рода;). Соответственно, шкала намечается и для изложения событий. Д. т. объединяет языковые уровни («сегодняшняя морфология есть вчерашний синтаксис» — Гивои). Например, показатели темы (топики) склеиваются с глагольными компонентами, становятся флексиями, при этом возможно дублирование грамматической информации при десемантизации флексии и опрощении формы; так, в словосочетании «он делает» грамматический субъект выражен дважды — местоимением и флексией, но в современном русском языке флексия уже не воспринимается как указание на субъект. Диахронической типологии связывает воедино изменения, происходящие во времени в разных категориях, напр. соотносит, перфект, пассив, эргативность и посессивность: так, источником эргативности являются либо пассивные, либо перфектные конструкции, перфектные, в свою очередь, восходят к пассивным т. е. на месте пассивной конструкции возникает перфект. Одной из ведущих идей диахронической типологии коммуникативного направления является деление языков на языки, в которых порядок компонентов соответствует непосредственно представлению ситуации (прагматический способ), и языки, в которых план линейного развертывания подчинен заданным синтаксическим правилам (синтаксич. способ). Синтаксический способ, или синтактизация, отличает языки с более высокой степенью развития их литературной формы, хотя в пределах синхронии могут варьироваться оба способа, с преобладанием

прагматического для разговорной речи, речи детей, плохо говорящих на данном языке иностранцев и др. Предметом социальной (функциональной) типологии является язык как коммуникативное средство, рассматриваемый сквозь призму его социальных функций и сфер употребления.

Предметом структурной типологии является внутренняя организация языка как системы.

Генетическая типология занимается сравнением систем генетически родственных языков как диахронно, так и синхронно с учетом генетической общности сравниваемых языков.

Основная цель генетической типологии – это выявление материально тождественных единиц в родственных языках. Типологическая изоморфность основывается на материальном сходстве единиц этического уровня. Сходство единиц этического уровня является зависимым от тождества материальных единиц этического уровня. Иначе говоря, для генетической типологии характерно глубинно-поверхностное тождество. Она изучает степень распространения идентичных лингвистических единиц в системах различных языков, объединенных на основе соответствующих материальных элементов, с учетом их исторической общности. Внутри генетической типологии можно различать:

а) динамико-генетическую типологию;

б) статико-генетическую типологию. Динамико-генетическая (диахронно-историческая) типология сравнивает системы языков в плане диахронии, занимается теоретическим реконструированием систем языков той или иной группы.

Статико-генетическая (синхронно-генетическая) типология занимается сопоставлением систем генетически родственных языков в плане синхронии, рассматривает системы языков на определенном синхронном срезе, выявляет общие изоморфные или алломорфные свойства, характерные для данного периода. Более крупное деление исторической типологии дается у М. М. Гухмана.

который в исторической, или диахронной, типологии различает: а) историческую типологию языковых структур (структурную диахронную типологию); б) историческую функциональную типологию. Оно объединяет диахронный аспект ряда разделов лингвистической типологии в историко-функциональную типологию.

Модифицирующие факторы генетической типологии, выделяющие ее в качестве специального раздела лингвистической типологии:

а) генетическая ограниченность систем сравниваемых языков внутри определенного языкового типа;

б) количественная ограниченность, или закрытость, числа языков;

в) глубинно-поверхностная идентичность;

г) совпадение единиц этического и эмического уровней;

д) атомарность сферы действий, т. е. возможность изолированного сравнения единиц отдельного уровня иерархии языка в зависимости от близости и дистантности систем сравниваемых языков;

е) системная близость исследуемых языков;

ж) ограниченность языка-эталона в пределах систем генетически родственных языков. На основе наборов указанных свойств определяются генетические типы языков. Генетические типы основываются на подсистемных свойствах сравниваемых языков.

Таким образом, генетическая типология это раздел лингвистической типологии, определяющий языковой тип на основе глубинно-поверхностного и этико-эмического тождества. Генетическая типология занимается установлением идентичных поверхностных единиц глубинных категориальных понятий, определяет место генетических микротипов среди общетипологических макротипов. Последние выступают нейтрально по отношению к глубинно-поверхностному тождеству к объединяют несколько генетических микротипов. Генетическая типология сравнивает системы генетически родственных языков как в динамике, так и в статике.

Структурная типология является выявление универсальных свойств языков. В структурной типологии различают формальную типологию и контенсивную типологию. Формальная типология ориентирована на план выражения, контенсивная на семантические категории языка и способы их выражения, ареальной типологии входит исследование общих типологических характеристик и закономерностей языков, находящихся на какой-либо определенной территории, или ареале.

Сравнительная типология, раздел языкознания, изучающий языки в сопоставлении друг с другом с целью установления сходств и различий между языками. Сравнение (сопоставление) языков может проводиться в историческом плане и иметь целью установление родственных отношений между языками такой подход представлен сравнительно-историческим языкознанием, давшим в XIX веке генеалогическую классификацию языков. Сравнение языков может проводиться также и без учета их истории и родственных отношений между ними такой подход представлен сравнительно-типологическим языкознанием, давшим (также в XIX в.) типологическую классификацию языков.

Сравнительно-историческое языкознание имеет в качестве одной из своих целей восстановление (реконструкцию) древнейшего языка-основы (праязыка), из которого развились сравниваемые родственные языки. Сравниваться при этом могут как языки близкородственные (например, германские языки английский и немецкий и т.д., славянские — русский, польский и т.д.), так и отдаленно родственные (например, английский и русский языки, исторически восходящие к индоевропейской семье).

Термин «изоморфизм» был введен польским языковедом Е.Куроловичем из математики. Изоморфизм-сходство или подобие отдельных микро- или макро-структур в разных языках. Нэоморфизму противостоит алломорфизм, свидетельствующий о разнотипности структуры языковых единиц, составляющих данный уровень.

Типологические исследования различаются в зависимости от

следующих аспектов:

- числа привлекаемых языков;
- объема рассматриваемого материала;
- целей исследования;
- характера обнаруживаемых сходств и различий;
- уровней анализа;
- направления исследования.

В зависимости от числа рассматриваемых языков различают универсальную и специальную типологию.

Универсальная типология стремится охватить все языки мира, вывести универсалии для общечеловеческого языка.

Основой сравнения в универсальной типологии является типологический, условный, абстрактный язык-эталон, включающий общеязыковые черты.

В универсальной типологии фиксируются все возможные типы в языке, т.е. все возможные типы языкового выражения.

При всем структурном многообразии у всех или почти всех языков наблюдаются общие универсальные свойства. Универсалия языковое явление, свойственное всем языкам или большинству языков. В языкознании существуют два подхода к универсалиям:

Универсалии устанавливаются путем анализа конкретных явлений большого количества языков (например, типологические индексы Дж. Гринберга).

Универсалии — это сущностные характеристики человеческого языка вообще.

В последнем случае универсалии можно вывести путем глубинного анализа одного индивидуального. Пример такого подхода — генеративная лингвистика Н. Хомского. Данная теория пытается найти ответ на вопрос, как человек порождает (генерирует) высказывание. Как известно, дети выучивают свой первый язык феноменально быстрыми темпами. При этом

их языковые способности не зависят от конкретного языка. В нем изначально заложены некие глубинные структуры (простейшие синтаксические схемы-предложения) и правила их трансформации (перестановка, замена, опущение частей предложения и др.), которые позволяют ему, используя конкретный языковой материал, порождать «на выходе» правильные высказывания. Для выявления этих универсальных правил не нужно анализировать много языков, достаточно проанализировать синтаксис сходных предложений одного языка.

Виды универсалий:

По способу установления:

Дедуктивные, устанавливаемые на основе общего положения и являющиеся обязательными для всех языков (Основная коммун единица во всех языках — законченное высказывание с грамматическим членением на два главных члена);

Индуктивные, идущие от частных языковых фактов к общим выводам и описывающие явление в конкретных языках (типологические индексы Дж. Гринберга).

По степени охвата языков:

Абсолютные, которые не имеют исключений (Во всех языках имеются гласные и согласные. Во всех языках имеются местоимения. Во всех языках имеются взрывные согласные, но не во всех можно обнаружить фрикативные согласные.);

Статистические, показывающие вероятность встречаемости явления в некоторых языках (индексы Дж. Гринберга выведены для 30 языков).

По логической форме Импликационные, показывающие причинные связи между языковыми явлениями (Если язык корневой, в нем нет грамматически оформленных частей речи. Если в языке есть грамматическая категория рода, то есть и число.);

Простые, являющиеся простой констатацией факта наличия или отсутствия явления в языке (Во многих языках отсутствуют носовые

гласные).

По способу рассмотрения явления:

Диахронические, описывающие общие тенденции исторического развития явления (Самое позднее глагольное время будущее. Во многих языках наблюдаются сходные метафорические процессы: значение «тяжелый по весу» приобрело новое знач-е «трудный», «горький по вкусу» «скорбный», «большой по размеру» — «важный»);

Синхронические, характеризующие язык на современном этапе или в какой-то момент его существования (Если в языке есть тройственное число, то будет и двойственное).

По охвату языкового материала:

Фонологические (Самая распространенная щелевая согласная - /s/, самые распространенные смычные - /p/, /t/, /k/.);

Морфологические (Если в языке имеются словоизменительные аффиксы, то есть и словообразовательные, причем последние стоят ближе к корню.); Синтаксические (В предложениях 95% языков подлежащее предшествует прямому дополнению);

Семантические (Большинство языков различают средства выражения предмета, процесса/действия и признака).

Специальная типология рассматривает конкретные языки, чаще всего два языка. В специальной типологии в качестве исходного члена сравнения избирается один из сопоставляемых языков. Обычно знакомый язык - родной служит основой для сравнения изучаемого.

Типология может быть как синхронической, так и диахронической; она проводит многостороннее сравнение самых различных языков.

Выводы, полученные путем типологических сравнений, имеют общезыковое значение. Однако направленность типологии на языковые универсалии является ступенчатой, так как типология имеет дело со всеми естественными (генетически

родственными и неродственными) языками; полученные результаты она может проверять практически открытым рядом возможностей сравнения с языковым материалом других языков. Поэтому можно говорить, что с одной стороны, о макротипологии, которая за исходное принимает существование языковых универсалий и одновременно ставит перед собой задачу более глубокого их изучения, с другой – о микротипологии, цель которой – изучение общих, закономерностей более закрытой группы языков (например, близкородственных славянских языков).

§ 2.4. Сопоставительный подход к изучению грамматических категорий

Человек, изучающий одновременно два и более иностранных языков, непроизвольно попадает в условия мультилингвального развития. В этой ситуации ему удобнее воспользоваться преимуществами взаимодействия языков, к которым относится положительный перенос уже сложившихся знаний, умений и навыков в области одного языка в область изучения другого языка. Такой перенос возможен в трёх аспектах языка: фонетике, грамматике и лексике.

Сопоставление – одно из мощных универсальных средств познания окружающего мира. Сравнивая и сопоставляя предметы, явления, ситуации, человек познаёт их качества, устанавливает между ними отношения сходства и различия, даёт им соотносительную характеристику, что и находит свое отражение в языке.

В сопоставительной функциональной грамматике и функциональной типологии сопоставляются функции и средства их выражения, а не только и не столько формы. Функции, а точнее, функциональные типы, более универсальны, чем формы. Универсальность функциональных типов связана с тем, что они соотносятся с ситуативными типами, типами категориальных ситуаций универсальной грамматики, общими для всех

языков. Грамматико-контекстуальные комплексы, выражающие соответствующие смыслы, представляют собой реакции носителей различных языков на одинаковые ситуативные стимулы. Эти реакции, если абстрагироваться от мелких различий, принципиально эквивалентны друг другу. Имеется в виду, конечно же, суммарное действие компонентов комплекса, а вот распределение значений между компонентами комплекса, интерпретирующими данную ситуацию, может быть различно в разных языках, может проявляться явно либо косвенно, скрытым образом.

Специфика сравнения наиболее адекватно реализуется в сопоставительно-типологическом описании языков. Проблема языковой типологии в последние десятилетия вызывает большой интерес в мировом языкознании. Сопоставительное изучение языков успешно развивается, накапливает свой опыт исследования. Сравнительно-типологические исследования, предполагающие выяснения взаимоотношений общих и специфических черт структурных моделей различных языков, в конечном счете способствуют установлению общих закономерностей в их развитии.

Необходимо признать, что существенные различия грамматических характеристик современного русского и узбекского языков свидетельствуют о сложности их типологического сопоставления и являются источником трудностей при овладении неродным языком. Нужно учитывать, что сопоставительное изучение языков, необходимая основа для сознательного подхода к изучению неродного языка, указывает путь к преодолению интерференции родной речи и является одним из способов интенсивного обучения иностранному языку. В связи с этим оно приобретает еще большую актуальность.

Практическая нереальность проведения сравнительных исследований языковых систем в целом приводят исследователя к необходимости выделения и изучения отдельных микросистем. Так, например, универсальной единицей, способной стать базой сопоставительного описания разносистемных языков, является грамматическая категория.

Сравнение - это одно из универсальных свойств речемыслительной деятельности, которое влияет на процесс познания в любом языке. Это влияние воплощается в специфические формы реализации сравнения.

Сопоставительное языкознание - лингвистическое направление, призванное изучать одноимённые языковые микросистемы (поля) в разных языках. В своей книге «Сопоставительная семасиология литовского и русского языков» (1985) А. Гудавичюс определяет изучаемую науку «... как науку, изучающую лексические системы двух или более языков методом сопоставления их друг с другом». Сопоставительное исследование может осуществляться и в рамках понятийной или функционально-семантической категории. А.Н. Фефилов так формулирует цель сопоставления в этом случае: «установление и описание структурных сходств и различий сопоставляемых языков». свой подход А.Н. Фефилов называет конфронтативным, подчеркивая внутренней формой используемого термина, что сопоставление носит характер противопоставления (конфронтации).

В рамках сопоставительной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, устанавливается специфика организации одноименных микросистем в изучаемых языках, выявляется ядро и периферия подсистемы. Сопоставительный анализ в лингвистических исследованиях имеет достаточно длительную историю. Необходимость в сопоставлении языков возникла, как только люди с потребностью объясняться с носителями других языков. Первыми исследователями, специально занимавшимися сопоставлением языков, были составители переводных словарей, которые вынуждены были, руководствуясь своим практическим знанием, подбирать соответствия словам иностранного языка в своем родном языке³¹.

Каких-либо методов сопоставления языков в этот период, конечно,

³¹ Ярнева В.Н. Контрастивная грамматика. - М.: Наука. 1981. - С. 30.

не было. Да и самого понятия метод сопоставления языков в науке долго не существовало. Теоретическая разработка терминологии сопоставления и методов сопоставительных исследований началась в лингвистике в новейшее время, а на научную основу сопоставление стало опираться во второй половине XX века³².

В настоящее время наблюдается устойчиво возрастающий интерес лингвистов и методистов к проблемам сопоставительного изучения языков, что связано со следующими основными причинами: потребностями лингвокультурных и когнитивных исследований, которые все более явно выходят на передний план в современной лингвистике; расширяющимися исследованиями национальной специфики мышления, менталитета народов; потребностью выявления универсальных черт языков; необходимостью выявить и описать национальную картину мира носителей разных языков; потребностями описания национально-культурной специфики языковых систем; необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где ставится задача отразить национально-специфические черты семантики переводных соответствий; расширением сферы преподавания иностранных языков.

§ 2.5. Грамматические категории у отдельных глагольных форм в русском и узбекском языках

Категория наклонения. Даже не верится, что существует нечто общее между русским, относящимся к многочисленной категории славянских индоевропейских языков, и входящим в тюркскую группу алтайских языков современным узбекским языком. Однако, как показывают многочисленные исследования лингвистов, начатые еще в 30-е годы XX века, при сопоставлении можно обнаружить очень любопытные сходства и не менее интересные отличия. В частности, очень глубоко эту тему исследовал профессор Поливанов Е. Д., который в результате даже

³² Там же.

опубликовал книгу³³.

Наклонение — это грамматическая категория в системе глагола, обозначающая отношение действия к реальности, представление о возможности, желательности, истинности.

Глагол узбекского языка имеет 4 наклонения. Это:

изъявительное наклонение;

повелительное наклонение;

условное наклонение;

желательное наклонение.

Изъявительное наклонение обозначает действие в настоящем, в прошедшем и будущем времени.

Например: *Ойгул китоб укиб утирибди.* - Ойгул читает книгу. *Малика уйни йигиштирди.* - Малика убрала дом.

Мен эртага кинога бораман - Я завтра пойду в кино. Повелительное наклонение.

Повелительное наклонение выражает побуждение к действию- просьбу, приказ.

Повелительное наклонение образуется путем прибавления к основе окончаний -ай,-йин, (в единственном числе) -айлий, -ийлик, (во множественном числе) I-лица, -сен, III-лица, во II-лице окончания не имеются.

Например: *Аввал уйла, кейин суйла.* - Сначала думай, потом говори. *Биз ёзайлик.* - Давайте напишем.

Условное наклонение.

Условное наклонение выражает возможность или желательность действия при тех или иных условиях. Условное наклонение образуется прибавлением суффикса -са, к основе глагола. Например: *Мен келсам, сен уйда й сан.* - Когда я пришел, тебя не было дома. *Сиз чакирсангиз, биз борамиз.* - Если вы пригласите, мы придем.

³³ Поливанов. Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. - Таткент. 1933. - 246 с.

Желательное наклонение. Желательное наклонение выражает желание, намерение говорящего. Желательное наклонение образуется путем прибавления к корню или к основе глагола суффиксов —ки, -ки, -ги, затем следуют притяжательное окончание и вспомогательный глагол кел в третьем лице для трех видов времени (настоящего, прошедшего, будущего). Например:

Мени кинога боргим келиб турибди. - Мне хочется пойти в кино (настоящее время).

Мени кинога боргим келди. - Мне хотелось пойти в кино (прошедшее время).

Мени кинога боргим келади - Мне захочется пойти в кино (будущее время).

Изъявительное, повелительное и сослагательное (аниклик, буйрук ва шарт майллари) - это три наклонения различающиеся в узбекском и русском языках.

В русском языке глаголы изъявительного наклонения в настоящем и будущем времени изменяются по лицам и числам (два типа спряжения). В прошедшем времени глагол по лицам не изменяется, категория же рода выражается с помощью родовых флексий а, - о, а в мужском роде нулевое окончание и категория числа — формы множественного числа — окончанием —и.

Обозначая действительные, реальные действия формы изъявительного наклонения русских глаголов, выражают одновременно значения настоящего, будущего или прошедшего времени, которые тесно связаны с категорией вида. Значения форм изъявительного наклонения русских глаголов в узбекском языке передаются соответствующими формами времени изъявительного наклонения.

Глаголы изъявительного наклонения в русском языке в настоящем и будущем времени изменяются по лицам и числам (два типа спряжения). В прошедшем времени глагол по лицам не изменяется, категория же рода

выражается с помощью родовых флексий а, - о, а в мужском роде нулевое окончание и категория числа — формы множественного числа — окончанием —и.

Как известно, при сопоставлении спряжения узбекских глаголов со спряжением русских глаголов, по окончаниям совершенно не допустимо, так как в узбекском языке личные окончания первого типа могут употребляться и с глаголами в настоящем времени (причастной форме).

Кел-а-ман, кел-ган-ман

Личное окончание глаголов в узбекском языке трех типов.
Единственное число Множественное число

тип ман - сан - дир - миз - сиз - дилар

Келар-ман, кел-ар-сан, кел-ар-дир. Келар-миз, кел-ар-сиз, кел-ар-дилар 2 тип - м - нг - к - ингиз - лар

Кел-са-м, бор-са-нг кел-бор-са-к, кел-са-нгиз, кел-са-лар 3 тип -
дим, - динг, - ди - дик, - дингиз, - дилар

Кел-дим, кел-динг, кел-ди кел-дик, кел-дингиз, кел-дилар

Окончание - и в прошедшем времени для русских глаголов служит выражением множественного числа, они не имеют личных окончаний
окончания - а, - о - обозначают грамматический род.

Но, мы знаем, что русский суффикс прошедшего времени можно сопоставлять с узбекским суффиксом - ди, который именно повторяется во всем спряжении прошедшего времени: ёзди-м, ёз-ди-нг, ёзар-ди, ёз-ди-к, ёз-ди-нгиз, ёз-ди-лар.

Условные наклонения (Шарт майли).

В русском языке сослагательное наклонение употребляется в двух значениях желательном и условном. Сослагательное наклонение со значением желательности используется в простом предложении: Я бы сейчас с радостью сделала торт.

Сослагательное наклонение со значением условия обычно употребляется в сложноподчиненных предложениях с придаточным

условия (как в главной, так и в придаточной части). Если бы ты пришёл раньше, мы бы не опоздали. Форма сослагательного наклонения в русском языке представляет собой сочетание формы прошедшего времени глагола с частицей бы: сходил бы. После слова, оканчивающегося гласным, частица бы может выступать в варианте б: Я ищу себя в профессии. Я бы хотел вернуться в прошлое.

Формы сослагательного наклонения так же и прошедшего времени, изменяются по лицам (я пришёл бы, ты пришёл бы, он пришёл бы, знала бы, знали бы). Категории времени сослагательное наклонение не имеет.

Форма настоящего-будущего времени условного наклонения образуется присоединением соответствующих личных суффиксов спряжения (в 3 м лице единственного и множественного числа личный суффикс отсутствует).

Например: Единственное число 1 л билсам — если я знаю

1 л билсанг — если ты будешь знать 3 л билса — если он будет знать Множественное число

1 л билсак — если мы будем знать 2 л билсангиз — если будете знать

3 л билсалар — если они будут знать

Форма прошедшего времени условного наклонения образуется сочетанием формы настояще-будущего времени условного наклонения с формой 3-го лица очевидного-прошедшего времени вспомогательного глагола - эмок.

Например: Единственное число 1 л курсам эди если бы я видел

2 л курсанг эди — если бы ты видел 3 л курса эди — если бы он видел

Множественное число

1 л курсак эди — если бы мы видели

2 л курсангиз эди — если бы вы видели 3 л курсалар эди если бы

они видели

Приведенные выше примеры показывают, что, в узбекском языке

глаголы в форме условного наклонения выражают и значение времени, и значение условия, поэтому формы условного наклонения узбекских глаголов переводятся на русский язык посредством сочетаний глаголов в форме настоящего, будущего или прошедшего времени со словом если (гапирса — если я буду говорить).

В придаточных предложениях условное значение сослагательного наклонения в русских глаголах передается в узбекском языке основной формой прошедшего времени условного наклонения соответствующих узбекских глаголов. Например: Если бы я сказал ему раньше, он бы не опоздал. Агар мен унга эртарок айтганимга эди, у кечикиб келмас эди.

В узбекском языке в предложениях с придаточными условными сказуемым глаголы в главных предложениях ставятся в форме многократно-длительного прошедшего времени (курган булар эдим увидел бы).

Вышеупомянутые нами сходные и различающиеся признаки условного наклонения глаголов русского и узбекского языков показывают то, что формы условного наклонения языков, принадлежащих к двум разносистемным типам, различаются по семантике и грамматическому оформлению.

Повелительное наклонение (Буйрук майли).

Повелительное наклонение в русском языке образуется от основы настоящего или будущего простого времени глаголов. Если основа настоящего или будущего простого времени оканчивается на согласный звук, то форма повелительного наклонения лица единственного числа образуется путем смягчения этого конечного согласного звука основы (сядут

— сядь, знают знай) или путем прибавления к основе гласного и (говорят, говори, сидят — сиди).

Некоторые из русских глаголов имеют на конце формы повелительное наклонения первого лица единственного числа звук й (после предшествующего гласного звука). Например: слушай, думай.

Присоединением к форме единственного числа окончания те образуется форма повелительного наклонения множественного числа (приди-те, зашей-те и т.п.).

Надо заметить, что форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа от глагола лечь образуется особо (лечь, ляг ут, лег).

В русском языке глаголы со значением повелительного наклонения как правило соответствуют форме повелительного наклонения узбекских глаголов.

У возвратных глаголов в формах повелительного наклонения 2-го лица единственного и множественного числа на конце добавляется суффикс — ся, (-сь), Например: бойся, одевайтесь и т.п.

Исходная (начальная) форма любого глагола в узбекском языке одновременно является формой повелительного наклонения лица единственного числа.

Например:

Скажи — айт, кара — смотри, тур - встань Бил — знай, тик - шей, ишла — работай.

Форма множественного числа 2-го лица повелительного наклонения может быть образована еще путем присоединения суффикса лар к вежливой форме повелительного наклонения 2-го лица единственного числа (ухланг-лар - спите, били-нг-лар - знайте и т.п.). Эти формы различаются только стилистически.

Множественное число 2-го лица повелительного наклонения образуется присоединением к основе глагола суффикса — нгиз (после конечного гласного) или -ингиз (после конечного согласного) например:

ёзи-нгиз — пишите, ишла-нгиз — работайте, чиз-ингиз ресуйте.

В узбекском языке повелительное наклонение 3-го лица единственного числа образуется присоединением к исходной форме глагола суффикса — син, а множественного числа присоединением еще суффикса

лар.

Например: езсин, езсин-лар, ишласин, ишласинлар.

У первого лица единственного числа повелительного наклонения образуется присоединением суффиксов — й к исходной (начальной) форме с конечным гласным и ай, с конечным согласным.

Например: била-й, кур-ай, и так далее.

Значения повелительного наклонения 3-го лица в русском языке передается обычно сочетанием слова пусть с формой 3-го лица единственного и множественного числа настоящего или будущего простого времени.

Например: езсин, пусть он пишет, ишласинлар - пусть они работают и так далее.

Множественное число первого лица образуется присоединением суффикса -лик к форме первого лица единственного числа. Например: курай-лик, эшитай-лик, укий-лик и т.п.

Повелительное наклонения первого лица имеет значение желания, хотения с оттенком повеления, что передается в русском языке формой первого лица будущего простого времени от глаголов совершенного вида в сочетании со словами давай, давайте, ну-ка или без них.

Например: Мен килай(ин) - Давайте я сделаю (Почитаю-ка я)

Учёный А.Н.Кононов первое лицо повелительного наклонения назвал формой желательного наклонения. В связи с этим, в современном узбекском литературном языке количество наклонений насчитывает четыре. Если форма повелительного наклонения 3-го лица выражается категорическим приказанием, повелением, в русском языке она передается формой инфинитива (неопределенной формой глагола). Например: Бу китоблар бугун сотиб олинсин - Эти книги купить сегодня.

Исходя из этого, в узбекском языке повелительное наклонение имеет три формы лица (1,2,3) а в русском языке - только форму 2-го лица. Но значения 1 и 3-го лица узбекских глаголов в русском языке передаются

посредством разных грамматических средств.

Категория времени (Замон категорияси).

Глагольная категория, выражающая отношение реального действия к моменту речи о нем, называется грамматическим временем.

В русском и узбекском языках три формы времени: настоящее, прошедшее и будущее времена различаются по грамматическому оформлению и значению.

будущее время (Келаси замон).

Форма будущего времени обозначает действие, которое совершится или будет совершаться после момента речи.

будущее время имеет две формы — простую, сложную.

У глаголов совершенного вида личное окончания в будущем простом времени такие же, как у глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени (нарисуй — рисую, скажет, делает и так далее).

Форма будущего простого времени передается в узбекском языке формой настоящего будущего времени.

Например: Они погуляют потом. - Улар кейин айланадилар. Я решу этот вопрос - Мен бу масалани хал киламан.

В узбекском языке форма будущего сложного времени русских глаголов передается в основном формой настоящего - будущего времени. Например: Вы завтра отправитесь домой- Сиз эртага уйга жунайсиз.

Настоящее время (Хозирги замон).

Форма настоящего времени русских глаголов, как по способу образования, так и по грамматическому значению отличается от форм настоящего времени узбекских глаголов. Форма настоящего времени в русском языке образуется только от основ глаголов несовершенного вида. В узбекском языке исходная форма любого глагола служит для образования различных форм времени, наклонения, числа, лица глаголов, в том числе и форм настоящего времени (ишла-й-ман, ишла-яп-ман, ишла-мок-да-ман и т.п.).

Смысловым эквивалентом русского настоящего времени в узбекском языке с его двумя основными значениями могут служить две формы:

Настоящее время данного момента: кетяпман

Настоящее-будущее время: кетаман.

Форма (кет-яп-ман) показывает, что в русском настоящем времени, действие и момент речи совпадают: Мен хозир бозорга кетяпман. -(сейчас) иду на рынок.

Вторая форма (бор-аман) может передавать второе значение русского настоящего времени, которое употребляется для обозначения действий, закономерно совершающихся, постоянных:

Болалар доскада мел ва маркер билан ёзадилар - Дети пишут на доска мелом и маркером.

Прошедшее время (Утган замон).

Прошедшее время выражает действие, происходившее до момента речи о нем. Значения прошедшего времени в русском языке тесно связаны с категорией вида, в узбекском языке - с различными формами.

Глаголы совершенного вида от прошедшего времени (с суффиксом) показывает, что действие это уже окончилось в прошлом: Я выполнил задание.

Этой форме прошедшего времени обычно соответствует в узбекском языке очевидное прошедшее время с суффиксами: - ди, - динг, - дим, - дилар, -дингиз, которое выражает обычно действие, имевшее место и закончившееся в прошлом. Но это же узбекская форма с суффиксом ди в зависимости от контекста может означать и действия, совершившиеся в прошлом, без указания на его законченность.

Например: Расимни чиздим, Я рисовал рисунок и

Я нарисовал рисунок.

Как было выше сказано, чтобы подчеркнуть факт завершенности действия, используются вспомогательные глаголы, куймок, булмок, колмок

и другие, придающие глаголу оттенок совершенного вида:

(Мен) овкати́ни еб булдим - Я съел еду

В русском языке значение формы прошедшего времени глагол несовершенного вида передается в узбекском языке и основной формой многократно — длительного прошедшего времени, формой основного глагола на - ар в сочетании с вспомогательным глаголом эдинг, эдим и так далее. Биринчи гудок чалинганда биз йулда юрар эдик. Когда прогудел первый гудок, мы шли по дороге. Форма юрар эдик передается прошедшее незаконченное действие без указания предела.

Остальные значения формы прошедшего времени глаголов несовершенного вида, выражающие действия ограниченные в своем временном, которые протекают в прошлом, передаются в узбекском языке формами причастного прошедшего времени. Например: Когда мы зашли в класс, прозвенел звонок. Биз дарсга кеганимизда, кунигрок чалинган эди. Я несколько раз смотрел этот фильм - Мен бир неча марта шу фильмни курганман.

Безличные глаголы (Шахссиз феъллар).

Безличные глаголы обозначают действие, которое протекает само по себе, без его производителя: при таком глаголе подлежащего не может быть. Они не имеют категории лица, не изменяются по числам и по родам, не образуют форму повелительного наклонения.

Безличные глаголы изменяются по временам (темнеет, темнело, будет темнеть), образует форму сослагательного наклонения (темнело бы).

В узбекском языке глаголы в безличном значении употребляются очень редко.

Безличные глаголы русского языка в роли сказуемого в предложении передаются в узбекском языке часто личными формами соответствующих глаголов. Например: Мне не спится — уйкум келмаяпти. (Мой сон не приходит). Вечереет Кеч кира бошлади. (Вечер начал входить), обозначают действие, которое протекает само по себе, без его

производителя: при таком глаголе подлежащего не может быть. Они не имеют категории лица, не изменяются по числам и по родам, не образуют форму повелительного наклонения.

Взаимный и совместный залого. Как видно из вышесказанного, в узбекском языке значения форм изъявительного наклонения русских глаголов передаются соответствующими формами времени изъявительного наклонения.

Глагол в повелительном наклонении имеет три формы лица (1,2,3) а в русском языке — только форму 2-го лица. Но, значения 1 и 3-го лица узбекских глаголов в русском языке передаются посредством разных грамматических средств.

Глаголы в форме условного наклонения выражают и значение условия, и значение времени, поэтому формы условного наклонения узбекских глаголов переводятся на русский язык посредством сочетаний глаголов в форме настоящего, будущего или прошедшего времени со словом если (ухласам— если я буду спать).

Категория времени. Грамматическим временем называется глагольная категория, которая выражает отношение реального действия к моменту речи о нем. В русском и узбекском языках три формы времени: настоящее, прошедшее и будущее времена различаются по значению и грамматическому оформлению.

Настоящее время (Хозирги замон).

Как по способу образования, так и по грамматическому значению форма настоящего времени русских глаголов отличается от форм настоящего времени узбекских глаголов. Форма настоящего времени в русском языке образуется только от основ глаголов несовершенного вида. Исходная форма любого узбекского глагола служит для образования различных форм наклонения, времени, лица и числа глаголов, в том числе и форм настоящего времени (ишла-й-ман, ишла-яп-ман, ишла-мок-да-ман и т.п.). В узбекском языке смысловым эквивалентом русского настоящего

времени с его двумя основными значениями могут служить две формы:

1. Настоящее время данного момента: боряпман

1. Настоящее-будущее время: бораман.

Первая форма (бор-яп-ман) передает то русское настоящее время, которое показывает, что действие и момент речи совпадают:

Укувчи доскага ёзипти — Ученик (сейчас) пишет на доске.

Вторая форма (бор-аман) может передавать второе значение русского настоящего времени, которое употребляется для обозначения действий, закономерно совершающихся, постоянных:

Ер куёш атрофида айланади — Земля вращается вокруг солнца. Одам кул билан ишлайди — Человек работает руками.

Прошедшее время (Утган замон)

Прошедшее время выражает действие, происходившее до момента речи о нем. В русском языке значения прошедшего времени тесно связаны с категорией вида, в узбекском языке — с различными формами. Прошедшее время (с суффиксом) от глаголов совершенного вида показывает, что действие это уже окончилось в прошлом: Я прочитал книгу. Этой форме прошедшего времени обычно соответствует в узбекском языке очевидное прошедшее время с суффиксами: - дим, - динг, - ди, - дингиз, - дилар, выражающее чаще всего действие, имевшее место и закончившееся в прошлом. Но это же узбекская форма с суффиксом -ди в зависимости от контекста может означать и действия, совершившееся в прошлом без указания на его законченность.

Например: Китобни укидим, Я читал книгу и Я прочитал книгу. Чтобы подчеркнуть факт завершенности действия, как уже отмечалось, используются вспомогательные глаголы, булмок, куймок, колмок и другие, придающие глаголу оттенок совершенного вида: (Мен) китобни укиб булдим -

Я прочитал книгу. Значение формы
прошедшего времени русских глаголов
несовершенного вида передается в узбекском языке и основной формой
многократно — длительного прошедшего времени, формой основного
глагола на - ар в сочетании с вспомогательным глаголом эдинг, эдим и так
далее. Биринчи гудок чалинганда биз йулда юрар эдик. Когда прогудел
первый гудок, мы шли по дороге. Форма юрар эдим
передается прошедшее незаконченное действие без
указания предела. Другие значения формы прошедшего времени
глаголов несовершенного вида, выражающие действия ограниченные в
своем временном течении в прошлом, передаются в узбекском языке
формами причастного прошедшего времени.

Например: Когда вы вошли класс, я писал письмо,

Сиз синфга кирганингизда, мен хат ёзаётган эдим. Я несколько лет
жил в Ташкенте Мен бир неча йил Тошкентда турганман (яшаганман).

Будущее время

Форма будущего времени обозначает действие, которое совершится
или будет совершаться после момента речи. Будущее время имеет две
формы

— простую, сложную. Личные окончания у глаголов совершенного
вида в будущем простом времени такие же, как у глаголов несовершенного
вида в форме настоящего времени (напиши — пишу, сделает, делает и так
далее).

Форма будущего простого времени передается в узбекском языке
формой настоящее — будущего времени.

Например: Он уедет завтра — У эртага жунаб кетади.

Я решу этот вопрос — Мен бу масалани хал киламан.

Форма будущего сложного времени русских глаголов передается в
узбекском языке в основном формой настоящее — будущего времени.

Например: Мы будем работать в колхозе — Биз колхозда ишлаймиз.

Категория лица, числа, рода. Глагол — самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка. Как в русском, так и в узбекском языках глагол выступает в предложении в роли главного члена — сказуемого.

В русском языке глагол как часть речи, обозначая действие или состояние лиц и предметов, характеризуется определёнными категориями: залога, вида, времени, наклонения, лица, рода и числа.

Глагольные категории залога, наклонения, времени, лица и числа присущи и узбекскому языку. Узбекские глаголы не имеют категорий вида и рода, но они богаты временными формами. неопределенная форма глагола и имя действия (харакат номи). Глагольная форма, обозначающая действие, но не указывающая ни времени ни числа, ни лица, называется неопределенной формой глагола (инфинитив): писать, нести, печь. Формообразовательными суффиксами русского инфинитива являются —ть, —ти, чь.

В узбекском языке нет неопределенной формы глагола. Начальной формой является значимая форма глагола, которая обозначает повелительное наклонения 2-го лица единственного числа (уки — читай, ёз — пиши, кел-приходи, ишла — работай). От начальной формы любого глагола образуются все его формы лица, числа, времени, залога, наклонения путем присоединения различных суффиксов. Так, присоединением к начальной форме глагола суффикса — мок или — ш (иш) образуется так называемое имя действия (харакат номи) o'qimoq, o'qish которое, как все существительное, может принимать падежные и притяжательные суффиксы, а так же суффикс множественного числа и другие суффиксы, присоединяемые к именам существительным. Например: o'qishni istayman — Хочу учиться (букв: «Хочу учение»). Biz o'qimoqqa keldik — Мы пришли учиться. Мы пришли к учению. Укишларим яхши борапти — Я учусь хорошо. Учеба у меня идет хорошо.

Имеется еще менее употребительная разновидность имени действия, образуемая от начальной формы глаголов при помощи суффиксов — в, - ув, - ов. (келув — приход, укув-чтения, ёзув -писание). Формы на - мок, и на — иш (ёзмок — ёзиш) часто употребляется для передачи неопределенной формы русских глаголов, особенно в словарях (русско узбекском и узбекско русском) например: писать ёзмок, работать ишламок и так далее.

Однако формы узбекских глаголов на — мок, и — иш нельзя считать эквивалентами неопределенной формы глагола русского языка. Во первых, эти формы изменяются. Присоединяя тот или иной — и (-иш), можно образовать другие глагольные формы, чего нельзя сделать с неопределенной формой русских глаголов. Так, например, присоединив к форме укимок (чтение, учение) суффикс да и суффиксы сказуемого, получим настоящего длительного времени укимок + да + ман — я учусь (читаю) укимок + да + сан -ты учишься (читаешь). Узбекский инфинитив, как и русский, в предложении может быть и подлежащим, и сказуемым, и второстепенным членом. Например, о'қимоқ (подлежащее) foyda —учиться полезно. Максадим -укимок (сказуемое) — моя цель учиться. Итак, узбекский инфинитив выражает как само действие и состояние, так и название действия, состояния: ёзмок -писать. Узбекские глаголы не имеют категорий вида и рода, но они богаты временными формами. Неопределенная форма глагола и имя действия (харакат номи).

Основа глагола. (Феъл негизи).

В русском глаголе различаются две основы:

а) основа инфинитива

б) основа настоящего времени

Для выделения основы инфинитива надо отбросить от инфинитива глагола суффикс -ть, -ти: смотре-ть, ид-ти, нес-ти. От основы инфинитива образуется:

а) прошедшее время (писал), б)сослагательное накопление (писал бы),

в) причастие прошедшего времени (писавший), г) деепричастие совершенного вида (написавши).

Выводы по второй главе

Категория наклонения — это грамматическая категория, которая определяет модальность действия, т.е. обозначает отношение действия к действительности. Данное положение о категории наклонения в русском языке вполне применимо и к узбекскому языку.

Универсальной оппозицией в системе наклонений является противопоставление прямого наклонения (изъявительного) косвенным (все остальные). Подсистема косвенных наклонений в русском языке включает две формы (сослагательное и повелительное), в узбекском - три: шарт майли, хохиш майли, буйрук майли.

Формы изъявительного наклонения ни в русском, ни в узбекском языке специальных морфологических показателей не имеют.

Они выступая в системе временных форм, выражают модальные оттенки достоверности, реальности.

В обоих сопоставляемых языках глагол в изъявительном наклонении изменяется по лицам. Но изъявительное наклонение в узбекском языке во всех временах имеет форму для каждого лица. В русском же языке в формах лица выражается только настоящее и будущее время, а прошедшее не имеет специальной формы для каждого лица.

Глаголы неопределенной формы глагола русского языка передаются на узбекский язык субстантивированными глаголами.

Категория повелительного наклонения глагола в русском и узбекском языках имеет ряд общих моментов:

- сходство семантики, выражающей волю говорящего, побуждающую другое лицо стать производителем какого-либо действия;
- типологическое сходство образования основных форм (в русском

языке преобладает способ агглютинации, который является основным способом словообразования и словоизменения в узбекском языке);

- в обоих сопоставляемых языках общее значение форм сослагательного наклонения заключается в признаке предположительности, гипотетичности действия;

- сослагательное наклонение в русском языке и условное в узбекском языке широко употребляются в различных видах придаточных предложений, выступая не только как средство связи, но и формируя совместно с различным лексическим составом разные дополнительные модальные значения;

Как видно из вышесказанного, в узбекском языке значения форм изъявительного наклонения русских глаголов передаются соответствующими формами времени изъявительного наклонения.

Глагол в повелительном наклонении имеет три формы лица (1,2,3) а в русском языке — только форму 2-го лица. Но, значения 1 и 3-го лица узбекских глаголов в русском языке передаются посредством разных грамматических средств.

Глаголы в форме условного наклонения выражают и значение условия, и значение времени, поэтому формы условного наклонения узбекских глаголов переводятся на русский язык посредством сочетаний глаголов в форме настоящего, будущего или прошедшего времени со словом если (ухласам— если я буду спать).

В узбекском языке отсутствует категория рода. Это создает определенные трудности у учащихся при формулировании предложений, в согласовании подлежащего и сказуемого, определения и определяемого слова, в употреблении глаголов прошедшего времени.

ГЛАВА III. ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИ РУССКО-УЗБЕКСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ

§ 3.1. Морфологическая интерференция (на материале падежных систем русского и узбекского языков)

Морфологическая интерференция одна из наиболее дискутируемых и сложных проблем в современной лингвистике. Многие известные лингвисты останавливались на грамматическом или морфологическом взаимодействии языков. «Грамматические системы двух языков не проницаемы друг для друга», — писал А. Мейе!^{*} вслед за ним ту же мысль повторил Э. Сепир ²: «Мы не можем выяснить только поверхностное морфологическое взаимодействие». С неменьшей силой противоположная точка зрения отстаивалась другими лингвистами, так, например, Г. Шухард писал: «Даже тесно объединенные структуры, такая как флексия, не могут избежать влияния иностранных элементов».

Согласно современному мнению не существует ограничений для влияния одной морфологической системы на другую, особенно в условиях двуязычия. Интересный материал в этом отношении содержится в статье Г. А. Меновщикова «К вопросу о проницаемости грамматического строя языка», в которой он указывает, что в диалекте алеутов острова Медного заимствованы целиком не только русские личные окончания глаголов, но и морфологический способ образования глаголов настоящего, прошедшего и будущего времени.

На отдельные факты проницаемости грамматического строя того или иного языка под воздействием контактирующего с ним иносистемного языка указывают многие языковеды. Так, например, И. А. Бодуэн де Куртенэ предполагал возможность влияния уралоалтайских языков (или других неиндоевропейских языков) на развитие падежной системы и категории числа в армянском языке⁵. Ж. Вандриес приводит ряд фактов, свидетельствующих о проникновении отдельных элементов грамматического строя из одного языка в другой. Так, например, словенцы,

жители сербо-хорватской колонии в итальянской провинции Компобассо, поселившиеся там еще в XV веке и говорящие на славянском языке по настоящее время, заимствовали из итальянского определенный член *le*, который регулярно употребляется в их речи (см. (Загшкаге *le ri!e* «пусть он мне покажет путь»). Там же приводится пример из португальского языка в Индии, который, под влиянием английского стал использовать морфему

как показатель принадлежности, а также примеры проникновения французского и английского элементов в бретонский и ирландский языки и обратного влияния последних на поглощающие языки ⁶. К числу таких фактов, по-видимому, можно отнести появившееся в татарском языке различение родов имен существительных, обозначающих отдельные профессии. Теперь от значительного количества имен существительных, обозначающих лиц мужского пола в татарском языке, как и в русском, применительно к женщинам употребляются личные именные обозначения в форме женского рода: учитель — учительница, лаборант — лаборантка, артист — артистка, санитар — санитарка, портной — портниха, сторож — сторожиха, ударник — ударница и т. п.

В тех языках, в которых отсутствует категория рода, обращает на себя внимание также возникновение женских фамилий с русским окончанием «а» типа Галимова, Ибрагимова и т. п.

Вопрос этот непосредственно связан не только с теоретическими проблемами двуязычия, но и с проблемой обучения неродному языку.

Изучение второго языка, особенно на начальном этапе, всегда происходит с оглядкой на родной язык. Говорящий дословно переводит с родного языка на изучаемый, а не создает самостоятельных сочетаний слов и предложений по нормам изучаемого языка. Создается так называемый смешанный план речи. На более высокой степени овладения чужим языком смешанный план вытесняется двуплановой речью, в которой формы родного языка уже не влияют на сложение единиц по правилам и нормам изучаемого языка. Таким образом, человек, изучающий другой язык, как бы

выходит из круга своего языка и входит в новый круг и приобретает новую точку зрения, отличную от прежних способов выражения мысли на родном языке. Следовательно, полное овладение изучаемым языком возможно лишь при том условии, когда уже формы родного языка не являются помехой для правильного построения предложений на другом языке, т. е., тогда, когда уже билингв владеет двуплановой речью, не смешивая при этом один язык с другим. Такое двуязычие некоторые исследователи называют автономным двуязычием, в отличие от совмещенного двуязычия.

Автономное двуязычие предполагает, что говорящий четко различает системы языков, на которых он говорит, у него четко дифференцированы установки на языки, что механизм порождения на каждом из этих языков работает практически независимо. Переход от порождения текста на одном языке на порождение текстов на другом языке происходит путем переключения с одного механизма на другой. Стимулами такого перехода могут быть различного рода изменения ситуаций общения: состава общающихся, их качества, условий общения и т. д. Идеальный биглот переключается с одного языка на другой в зависимости от воспринятых им изменений речевой ситуации (собеседник, тема и т. д.), но не при неизменности речевой ситуации и особенно не внутри фразы.

Но до тех пор, пока такая степень овладения вторым языком не достигнута, учет явлений трансференции родного языка на изучаемый язык на всех его уровнях является одним из решающих факторов, способствующих свободному овладению вторым языком.

Явление интерференции в лингвистической литературе имеет ряд определений.

Опираясь на труды Л. В. Щербы, Е. Осгуда и Е. Эрвина о существовании двух языковых систем у двуязычного индивида, А. Е. Супрун пишет, что «реальным источником интерференции является совмещенный механизм порождения текстов на двух языках, который, как правило, происходит тогда, когда в сознании говорящего недостаточно

четко противопоставлены механизмы порождения текстов на разных языках, когда системы этих языков в его сознании не дифференцированы в достаточной степени. Это недостаточная противопоставленность возникает обычно вследствие недостаточного лингвистического опыта говорящего».

При таком понимании этого явления интерференцией считается неосознанное бесконтрольное использование при построении текстов на одном языке элементов другого языкового устройства.

Поскольку использование этих элементов является неосознанным и бесконтрольным, нередко такие случаи воспринимаются как ошибочные. Поэтому некоторые исследователи рассматривают интерференцию как «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы».

Все эти определения, рассматривающие интерференцию как неосознанное отклонение от норм одного языка под влиянием норм другого языка, хотя и отмечают ряд специфических ее свойств, на наш взгляд, имеют один существенный недостаток.

В них подчеркиваются отклонения и ошибочность как обязательный результат интерференции, но при этом совершенно упускается из виду, что ошибки эти и отклонения носят не случайный, а закономерный характер. Если бы ошибки эти и отклонения носили чисто случайный, хаотический, ничем не predetermined характер, то изучение интерференции практически было бы делом бесполезным. Но все дело заключается в том, что механизм воздействия одного языка на другой в условиях двуязычия приводит к тому, что влияние это (интерференция) приобретает закономерный характер. При двуязычии, когда владение вторым языком не всегда бывает абсолютно полным и совершенным, говорящая среда в силу такого неполного знания допускает ряд неточностей, ошибок в произношении, словоупотреблении, словообразовании и др. Эти ошибки носят не случайный, а закономерный характер, потому что они вытекают из особенностей родной речи говорящих.

Для того, чтобы разграничить совокупность таких закономерных ошибок, которые делают носители родного языка при употреблении слов и форм другого языка, от всех прочих видов взаимовлияния языков, именуемых интерференцией, для удобства и научной точности было бы целесообразно обозначать их другим близким по значению термином — трансференция (от латинского *transfere* — переносить). Перенос элементов, признаков и правил из другого языка. Употребление этого термина может быть оправдан еще и тем, что в этих случаях не наблюдается взаимовлияние языков, а происходит только ошибочный перенос норм родного языка на второй изучаемый язык.

Исследование и установление причин таких закономерных ошибок имеет важное значение при разработке лингвистических основ обучения русскому языку нерусских.

Анализы, представленные здесь, основываются на сопоставительной характеристике падежной системы имен существительных в русском и узбекском языках, принадлежащих, как известно, к разным типологическим группам. Сопоставительное изучение категории падежа в этих языках позволяет выявить значительное количество расхождений и взаимоисключающих форм в каждом из них, создающих большую потенциальную возможность для трансференции.

Как в русском, так и в узбекском языке имеется шесть падежей, значения которых не всегда совпадают, и зачастую сильно отличаются друг от друга в употреблении.

В русском языке Именительный падеж отвечает на вопрос *кто, что?*, в узбекском языке соответствующий ему Основной падеж (*Бош келишик*) отвечает на тот же вопрос. В русском Родительный падеж (*кого, чего?*) — в узбекском Притяжательный падеж (*Караткич келишик*) отвечает на вопрос (*кимнинг, ниманинг?*). В русском Дательный падеж (*кому, чему?*), в узбекском ему соответствует Направительный падеж — *жуналиш келишик* (*кемга, нимага?*). В русском Винительный падеж (*кого, чего?*) — в

узбекском (Тушум келишик — винительный падеж) отвечает на вопрос (кимни, нимани?). В русском Творительный падеж (кем, чем?) — в узбекском (Чикиш келишик) — Исходный падеж отвечает на вопросы (кимндан, нимадан, каердан — с кого? из чего, из кого? с чего? откуда?) В русском Предложный падеж, в узбекском Местно-временный падеж (Урин пайт келишик) отвечает на вопрос (кемда, нимада?).

Русский Именительный падеж, так же как и Основной падеж (Бош келишик) в узбекском языке — начальная форма имени существительного, которая употребляется при названии лиц, предметов и явлений. В отличие от русского языка, в котором имена существительные в Именительном падеже могут быть подлежащим, сказуемым, обращением, приложением, в узбекском языке имя существительное в Основном падеже может употребляться в качестве дополнения, например, *мен китоб уқияпман* (я читаю книгу), *букв, я книга читаю*. Вместо русского Винительного падежа книгу в узбекском языке употребляется слово *китоб*, стоящее в основном падеже (Бош келишик). По этой причине в русской речи учащихся нерусских школ встречаются такие ошибки, как *я читаю газета* (*мен газета уқияпман*), «она носит вода» (*у сув келтиряпти*). Сюда же относятся и такие типичные ошибки как «желаю успех». Сравните с татарским *омад тилайман*, где *омад* (успех) стоит в основном падеже.

В русском языке Родительный падеж является более сложным, чем в узбекском. В форме Родительного падежа полуслиты две грамматические категории собственно-родительного и количественно-определятельного. В узбекском языке, кроме притяжательного падежа, выполняющего частично функцию русского Родительного падежа, эту же функцию выполняют основной падеж (Бош келишик), Исходный падеж (Чикиш келишик) и Винительный падеж (Тушум келишик).

Конструкции Родительного приименного падежа, как известно, в русском языке более употребительны, нежели Родительного приглагольного и отличаются многообразием функций и оттенков.

Рассмотрим сначала основные значения Родительного приименного, в употреблении которого узбеками имеются условия для возникновения трансференции родного языка.

Так, например, русскому Родительному падежу, служащему для выражения определительных отношений, в узбекском языке соответствует основной падеж (Бош келишик). Ср. русск. Слова Пушкина — узб. Пушкин сузлари; Музыка Прокофьева — Прокофьев мусикаси; День отдыха — дам куни; Следы ног — оёк излари.

Во всех приведенных примерах русским словам Пушкина, Прокофьева, отдыха, ног, стоящим в Родительном падеже, в узбекском языке способствуют имена существительные Пушкин, Прокофьев, дам (отдых), оёк (нога), стоящие в Основном, т. е. Именительном падеже (Бош келишик). Поэтому узбеки, не владеющие русским языком в совершенстве, в своей русской речи: допускают ошибки типа *день отдых, слова Пушкин* и т. п., вытекающие из особенностей падежной системы: родного языка.

Для передачи русского Родительного падежа количественных отношений, когда Родительный падеж используется как обозначение считаемых предметов или как обозначение целого, из которого берется какая-либо, часть, в узбекском языке так же используется основной падеж (Бош келишик), например, русск. стадо коров — узб. сизир подаси, гряда бревен — хода тудаси, куча снега — кор уюми.

Во всех этих примерах русским именам существительным коров, бревен, снега, употребленным в Родительном падеже, в узбекском соответствуют слова сизир (корова) хода (бревно), кор (снег), стоящие в Основном падеже (Бош келишик).

И вполне естественно, что учащиеся узбекских школ отталкиваясь от форм своего родного языка, в русской речи употребляют неправильные формы вроде «стадо/ корова», «куча снег» и т. п.

Русскому Родительному падежу отрицания в татарском языке соответствует так же Основной падеж (Бош келишик), например, Мы не

хотим войны — узб. *Биз уруш истамаймиз* (букв. Мы не хотим война).
Русск. *нет воды, нет дороги* — юл юк (*нет дорога*), *нет покоя* — *тинчлик юк* (*нет покой*). Такие ошибки, являющиеся результатом трансференции родной речи, очень часто встречаются в русской речи учащихся узбекских школ.

Русскому Родительному падежу сравнения в узбекском языке соответствует Исходный падеж (Чикиш келишик). Поэтому такие русские словосочетания, как *темнее ночи, светлее солнца, дорожке жизни*, которые на узбекский язык переводятся как *тундан кора, куёшданда ёруғ; хаётданда кадрли*, является причиной таких ошибок, как *темнее от ночи, светлее от солнца, дорожке от жизни*.

Аналогичное явление возникает и при употреблении русского Родительного падежа объекта после глаголов достижения, желания, удаления, опасения, лишения и т. п., вместо которого в узбекском языке употребляется или Основной падеж (Бош келишик), или Исходный падеж, например, русск. *просить разрешения* — узб. *рухсат сурамок*. В данном случае русскому имени существительному *разрешения*, стоящему в Родительном падеже, в узбекском языке соответствует слово *рухсат*, стоящее в Основном падеже, который является эквивалентом русского именительного падежа. Поэтому становятся понятными не только языковые, но и орфографические ошибки типа *просить разрешение, ждать решение*, возникающие под влиянием падежных форм узбекского языка. Подобные ошибки могут возникнуть и в тех случаях, когда вместо русского Родительного падежа в узбекском языке употребляется Исходный падеж (чикиш келишик), сравните русск. *опасаться нападения* — узб. *хужумдан сакланиш*, русск. *бояться холода* — узб. *совукдан куркиш*, служащий причиной таких неправильных выражений как *бояться от нападения, бояться от холода* и др. Ошибка эта возникает потому, что в узбекском языке, в отличие от русского творительного падежа, исходный падеж отвечает на вопрос *кимдан? (от кого?)*, *нимадан (от чего?)*, поэтому

хужумдан переводится как *от нападения*, *совукдан* как *от холода*.

Трансферирующее влияние родного языка ощутимо сказывается и при употреблении русского Родительного падежа множественного числа в сочетании с количественными числительными, который на узбекский язык передается Основным падежом (Бош келишик). Сравните русск. *пять книг* — узб. *бешта китоб* (*пять книга*).

То же самое явление наблюдается и при употреблении русского Родительного падежа в сочетании со словами *много, мало, есть, нет, несколько* и др., которому в узбекском языке соответствует Основной падеж (Бош келишик). Ср. русск. *много машин* — узб. *машина куп* (*много машина*); *несколько дней* — узб. *бир неча кун* (*несколько день*); русск. *нет хлеба* — узб. *нон ёк* (*нет хлеб*); русск. *нет денег* — узб. *пул ёк* (*нет деньга*); русск. *много лет* — узб. *куп йил* (*много год*), русск. *мало снега* — узб. *оз кор* (*мало снег*).

Таким образом, функции русского Родительного падежа сильно отличаются от функций узбекского Притяжательного падежа и далеко не всегда совпадают. На начальных этапах обучения русскому языку, когда учащиеся сперва строят предложение на родном языке, а потом переводят его на русский язык, эти расхождения являются основной причиной трансференции.

То же самое явление наблюдается и при употреблении учащимися нерусских школ Винительного падежа. Винительный падеж в русском языке, как известно, употребляется преимущественно в сочетаниях с переходными глаголами в значении прямого объекта, полностью охваченного действием: *рубить дерево, читать книгу* и т. п. Русскому Винительному падежу без предлога в этом значении в узбекском языке соответствует оформленный Винительный падеж и неоформленный Винительный падеж, полностью совпадающий по форме с Основным падежом (Бош келишик).

В тех случаях, когда речь идет об определенном предмете, обычно

употребляется оформленный Винительный падеж с особым падежным аффиксом *ны/не*, например: Мы решаем эту задачу (речь идет об определенном предмете ЭТУ задачу) — *биз бу масалани ечамиз*. Употребление Винительного падежа, когда идет речь о предметах определенных, не вызывает особых затруднений у нерусских учащихся. Но совершенно иначе обстоит дело, когда винительный падеж обозначает неопределенный предмет, которому в узбекском языке соответствует Винительный неформленный падеж, совпадающий по форме полностью с Основным падежом (Бош келишик), например: Мы решаем задачу — *биз масалани ечамиз*.

В данном случае русскому винительному падежу *задачу* в узбекском языке соответствует слово *масала* (задача), полностью совпадающее с Основным падежом (Бош келишик). Поэтому нередко учащиеся узбекских школ могут делать ошибки под влиянием форм родного языка, употребляя форму Именительного падежа вместо винительного падежа в русской речи. Вместо *месить глину*, говорят *месить глина* (узб. *лой кормок*), *доить корова* (узб. *сигир согмок*), *ловить птица* (узб. *куш тутииш*) и т. п.

Аналогичные ошибки могут быть допущены и при употреблении винительного падежа с обстоятельственным значением у существительных, обозначающих время, пространство, меру действия. Русскому винительному падежу с обстоятельственным значением в узбекском языке также соответствует форма Основного падежа, например: *работать сутки* — узб. *бир сутка ишламок* (работать одна сутка); *проехать версту* — *бир чакирим утииш* (проехать одна верста), *прожить зиму* — *бир киш яшамок* (прожить одна зима) и т. п.

Не совпадает в своих способах выражения русский Творительный падеж с узбекским Исходным падежом, который в основном является пространственно-временным падежом. Творительный падеж в русском языке отличается гораздо большим разнообразием значений. Русскому творительному падежу в значении орудия или средства действия в

узбекском языке соответствует Основной падеж с послелогом «билан». В русском языке этому послелогу «билан» соответствует предлог «с». Поэтому русские выражения «топором» и «с топором» на узбекский язык переводятся совершенно одинаково «болта билан». Этим объясняется типичная и широко распространенная ошибка в употреблении предлога «с» учащимися узбекских школ: *вязать с крючком, рубить с топором, есть с ложкой, писать с карандашом и т. п.* Значение русского Творительного падежа образа или способа действия на узбекский язык передается также основным падежом с послелогом «билан». Отсюда широко распространенная ошибка в употреблении предлога «с» в таких выражениях как *говорить с серьезным тоном*. Так как по-узбекски *жиддий тон билан, дышать с полной грудью* — узб. *упкаси тулиб нафас олмок* и т. п. К этому же разряду ошибок относятся ошибки, возникающие при употреблении русского Творительного падежа в значении косвенного объекта, которому в узбекском языке соответствует также основной падеж с послелогом «билан»: русское предложение «Я давно не занимался музыкой» на узбекский язык переводится -«Мен анчадан бери мусика билан шугуллунганим ёк». Отсюда такие ошибки, как *заниматься с физкультурой, интересоваться с историей* и др.

Этот далеко неполный сопоставительный анализ показывает, что падежная система русского и узбекского языка существенно отличаются друг от друга. Вот эти отличия и являются основной причиной ошибок, возникающих в результате трансференции в русской речи учащихся нерусских школ.

Глаголам *запачкать, испачкать, замарать, загадить, замазать, заляпать, замусолить, запакостить, загрязнить* и т. д. в узбекском языке соответствуют глаголы *тартибсизлик, ифлослантириш*.

§ 3.2. Грамматическая трансференция

Наблюдается ли в устной речи учащихся интерференция, вызванная нарушением норм согласования

I. В категории рода:

1) неправильное согласование сказуемого, выраженного глаголом в форме прошедшего времени с подлежащим, типа: Из-за туч показался солнце; Мать часто наказывал сына.

2) неправильное сочетание определения, выраженного местоимением, с определяемым словом: В нашем школе есть живой уголок; Мой сестра учится в институте.

3) неправильное сочетание определения, выраженного прилагательным, с определяемым словом: *Вечером'* мы смотрели смешной кино.

4) неправильное сочетание определения, выраженного причастием, с определяемым словом: *Измученный* войско Тимура двинулись дальше.

5) неправильное сочетание определения, выраженного порядковым числительным, с определяемым словом: *Второй* часть отрывка называется «Долг Алеши лавочнику».

6) ошибки при замене существительного личными местоимениями 3 лица ед. числа: Мать работает на фабрике. Он приходит вечером.

7) нарушения согласования в роде между сказуемым, выраженным глаголом в прошедшем времени, и подлежащим, выраженным сочетанием числительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже: *Десять лет* минул; *Прошел* два года.

II. В числе:

1) нарушение согласования в числе между сказуемым, выраженным в любом наклонении глагола, и подлежащим, выраженным существительным или местоимением: *Ребята* играл. *Птицы* поет. Они собирал.

2) ошибки в согласовании между сказуемым и подлежащим, обозначающим лицо: *Семеро* одного не ждет.

3) нарушение согласования в числе между сказуемым и подлежащим, выраженным сочетанием существительного в именительном падеже с существительным в творительном падеже: *Дедушка с внуком живет дружно.*

4) нарушение согласования в числе между определением и определяемым словом, выраженным существительным во множественном числе: *Станционный буфет работает целый сутки.*

III. В падеже:

1) ошибки в согласовании между определением и определяемым словом, выраженным в косвенных падежах: *Собаки провожали Метелицу хриплый лаем.*

2) ошибки в согласовании определений с определяемым словом, входящим в состав количественно-именных сочетаний с числительными два, три четыре: *У костра грелись три молодые солдата.*

3) ошибки в согласовании определений, выраженных количественными и порядковыми числительными, с определяемыми существительными в косвенных падежах с предлогами и без предлогов: *Мы увидели три больших птиц. Мой брат учится в пятом школе.*

4) ошибки в согласовании между приложениями, указывающими на должность, профессию и т. д., и собственными именами существительными: *Расстояние между пограничник Карацупой и врагом сокращалось.*

IV. В управлении:

1) Нарушение связи управления, когда управляемое слово ставится не в том падеже, которого требует управляющее слово.

2) а) употребление винительного падежа без предлога вместо родительного: *Лермонтов рано лишился мать.*

б) употребление винительного падежа с предлогом вместо родительного: *Бензин делают из нефть.*

в) употребление винительного падежа вместо родительного,

обозначающего часть объекта: *Он выпил стакан молоко.*

г) употребление винительного падежа вместо родительного при глагольном отрицании: *Октай не выучил урок.*

д) употребление именительного падежа вместо винительного при одушевленном существительном: *Пуля может попасть в Жухрай.*

е) употребление именительного падежа вместо родительного: *Командир завтра не будет.*

ж) употребление дательного падежа вместо винительного с предлогом *в, на:*

Он похож на брата.

з) употребление винительного падежа вместо творительного: *Пастушок отправился за корову.*

и) употребление именительного падежа вместо творительного с обстоятельственным значением: *Маленький Некрасов ночь вышел в сад.*

к) употребление дательного падежа вместо родительного: *Это тебе не касается.*

3) Другие случаи нарушения связи управления наблюдаются тогда, когда учащиеся-узбеки употребляют именительный падеж вместо родительного, выступающего в роли несогласованного определения, выраженного именем существительным: *Мы беседовали с директором школа.*

4) Управление нарушается, когда при управляемом слове отсутствует предлог:

а) пропуск предлога *в*, выражающего пространственное отношение: *Метелица очнулся (в) сарае.*

б) пропуск предлога *в*, выражающего временное отношение: *(В) 1907 году Фрунзе работал в Шуе.*

в) другие случаи отсутствия предлогов: *Третий мальчик подбежал*

(к) матери; Пастушок полез (на) дерево; Поздравляю Вас (с) праздником.

5) Связь управления нарушается, когда управляемое слово

употребляется не с тем предлогом, который нужен:

а) неправильное употребление предлогов с родительным падежом имени существительного, обозначающего одушевленный предмет: *Третий мальчик взял ведро от матери.*

б) смешение предлогов при глагольном управлении: *Руки держит на кармане.*

6) Случаи нарушения связи управления, когда при управляемом слове употребляется предлог, который не требуется:

а) употребление предлога при существительном в творительном падеже, обозначающем орудие действия или средство действия: *Писать с мелом; Копать с лопатой.*

7) , употребление ненужного предлога *от* при прямом дополнении: *Ахмет просил от учителя.*

в) употребление предлога *от* при сравнении двух предметов: *Волга длиннее от Куры.*

V. Грамматические ошибки, допущенные при нарушении порядка слов в предложении:

1) В употреблений сказуемого:

а) отнесение сказуемого на самый конец предложения: *Герасим на воду смотрел.*

б) неправильное расположение частей именного составного сказуемого: *Отец Маяковского лесничим служил.*

в) перестановка частей глагольного составного сказуемого: *Он играть начал.*

г) обстоятельство места занимает позицию, противоположную обычному порядку слов в предложении: *Павел быстро назад посмотрел.*

VI. Другие случаи нарушения в употреблении сказуемого:

1) употребление прошедшего времени глагола вместо инфинитива в глагольном составном сказуемом: *Он начал громко читал.*

2) Употребление именной части составного сказуемого в форме

именительного падежа вместо творительного: *Он стал герой.*

Выводы по третьей главе

Интерес к сопоставительному изучению языков не является случайным, так как сопоставление разных языков очень важно как в практическом, так и в теоретическом отношении. Оно не обходимо для создания эффективной методики преподавания языков в иноязычной среде. Сопоставление позволяет вскрыть сходства и специфические для каждого языка различия в выборе лексических, грамматических (и прочих) средств при описании одних и тех же фактов языковой действительности. Сравнение является основой перевода, имеющего своей целью преобразование высказывания одного языка в речевую структуру другого при обязательном соблюдении норм и правил этого языка. Наконец, сравнение позволяет глубже вскрыть такие закономерности и особенности в системе сопоставляемых языков, которые остаются скрытыми.

Следует, однако, иметь в виду, что сравнимость языковых явлений - это не простое сравнение фактов на первый взгляд очевидных и доступных визуальному наблюдению.

Сравнимость — это возможность привлечения для сопоставительного анализа таких языковых явлений (словообразовательных, морфологических, синтаксических, лексических и др.), которые в двух или более языках лингвистически релевантны, ситуативно и функционально эквивалентны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общее, сходное, универсальное в грамматической семантике языков связано с закономерностями преломления в языке обобщенного человеческого опыта. По мнению немецкого исследователя Иоханнеса Бехерта, грамматические категории «передают типичные качества речевой ситуации; в этом заключено их прагматическое основание, независимое от систем отдельных языков». Идея о том, что грамматические категории, в своей основе, мотивированы прагматикой речевого взаимодействия, коммуникативной (дискурсивной) ситуацией, не нова, ее высказывали Е. Курилович, М. А. Шелякини другие. Достаточно соблазнительна и мысль о том, что категории универсальной грамматики можно исчислить из коммуникативного прототипа: говорящий слушающий объект, по Гюлеру, либо из шестичленной схемы Якобсона, либо из ненаписанной, но интертекстуально определяемой диалогической модели коммуникации в хронотопе среды (М. М. Бахтин и его последователи). Действительно, коммуникант, позиционирующий себя в дискурсе через координаты Я-Здесь-Сейчас, вынужден противопоставлять себя другому участнику дискурсивного взаимодействия (даже если мы имеем дело с интроспективной или отложенной по времени коммуникацией — в «разговоре с самим собой» или в монологе как в изолированной реплике). Вместе дискурсанты противопоставляют себя третьему или теме, описываемому фрагменту действительности либо ситуации. Позиционирование коммуникантов — опять же с необходимостью вынуждает появление категорий множественности, положения в пространстве, временной соотнесенности, информативной новизны, направленности рассмотрения действия с точки зрения производителя либо объекта и т.п. Универсальность этих понятийных категорий вытекает из структуры и логики коммуникации. Достаточно давно, на грани бытового и научного языкознания, была высказана мысль о том, что языки являются не чем иным, как диалектами одного языка. Этот язык в научной лингвистике

получал наименование «универсальной грамматики», «универсального общечеловеческого языка», «семантических прототипов», «универсалий», «логической основы», «универсальных концептов» и т.п. Не существующий «в природе» как отдельная кодовая система этот единый язык, тем не менее, наблюдается в повторениях сходных логических, семантических, синтаксических и прочих ходов в деятельности на разных языках. Как уже было сказано, в определенной степени он «исчислим», если опираться на базовую логику коммуникации, строение коммуникативной ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана от 20.12.2022 года <https://president.uz/ru/lists/view/5774>
2. Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. – М., 1976, т. IX. – С.57-63.
3. Абдуллаев А.А. Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. – Махачкала, 1992. – 106 с.
4. Аврорин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С.100-107.
5. Агишев Х.Г. Лексико-семантическая интерференция в условиях двуязычия // Русский язык в национальной школе. 1975. - № 1. – С. 21-26.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.
7. Ахунзянов Э. М. Сопоставительное изучение национального своеобразия лексических значений. – Казань, 2000. – 135с.
8. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1992. – С. 88-98.
9. Бертогаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., Наука, 1992. – С.67-72.
10. Бодуэн-де-Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. – М., 1963. – 384 с.
11. Вайнрайх У. Одноязычие и двуязычие // Новое в лингвистике. – М.: 1972. вып. VII. – С. 25-60.
12. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М.: 1971. – вып. VI. – С. 34-56.
13. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.

14. Верещагин Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психолингвистической литературе // Иностр. языки в высш. школе, вып. IV, 1968. – С. 103-110.
15. Гавранек Б. К. К проблематике смещения языков // Новое в лингвистике. - Вып. VI – М.: Прогресс, 1972. – С.175-184.
16. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психологические исследования / Под. ред. АЛЛеонтьева. – М.: Наука, 1971. – 216 с.
17. Граудина Л.К. Разговорные и просторечные формы в грамматике / Литературная норма и просторечие. – М., 1977. – 109 с.
18. Граудина Л.К. Статистический критерий грамматической нормы // Языковая норма и статистика. – М.: Наука, 1977. – С. 135-157.
19. Гречко В.А. Однокоренные синонимы и варианты слова /Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М-Л.: Наука, 1966. – 118 с.
20. Григорьев В. А., Григорьева Т.И. Оптимальные отклонения от нормы как условие развития языка. – М., 1977. – 109с.
21. Гухман М. М.Типологические исследования // Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968. – С. 72-90
22. Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия// Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., Наука, 1989. – С.311-316.
23. Дьяков А. М. Языковая проблема в Индии // Современные литературные языки стран Азии. – М., 1987. – С.56-62.
24. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев, 1994. – 230 с.
25. Журина М.А. Лингвистическая типология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 122-143.

26. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. – М., 1978. – 453 с.
27. Звегинцев В.А. Семантическая интерференция в русской речи башкир и татар // Языковые контакты в Башкирии. – Уфа, Башкирский ун-т., 1987. – С.208-218
28. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 176 с.
29. Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М.: Наука, 1976. – 455 с.
30. Ким О. М. Особенности русской речи корейцев. АКД. – Ташкент, 1964. – 18 с.
31. Короткова О.Н. Фонологический механизм языковой интерференции. Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1986. – 19 с.
32. Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира. – М., Просвещение, 1995. – 240 с.
33. Малая советская энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1986. – 729 с.
34. Менанциков В.Р. Левченко Т.И. Интерференция в сфере семантики при освоении общей по корням лексики. // Психология и методика обучения второму языку. – М., МГУ, 1971. – С.98-106.
35. Михайлов М. М. Двухязычие (принципы и проблемы). – Чебоксары, 1989. – 246 с.
36. Многоязычие: лингвистический энциклопедический словарь. / Сост. Зограф Ю.А. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 201 с.
37. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М., 2006. – 456 с.
38. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. – М.: Рус. яз., 1976. – 680 с.
39. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972. – 104 с.

40. Рудаеттчтос А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Мокслас, 1985. – 414 с.
41. Русский язык / Под ред. Касаткина Н. А. – М., 2005. – 354 с.
42. Русский язык в грамматической перспективе. – М., 2007. – 321 с.
43. Смирницкий А. И., Ахманова О. С. Проблема усвоения новой языковой системы в связи с вопросом о единстве языка и мышления// Иностранные языки в школе. 2000, № 3. – С.46-56.
44. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. – М., 2002. – 401 с.
45. Современный русский язык / Под редакцией В.А. Белошапковой. Изд-е третье. – М.: Азбуковник, 2002. – 548 с.
46. Супрун А.Е. Два типа двуязычия: транспозиция и интерференция // Русский язык в национальной школе. – М., 1977. № 5. – С. 12-17.
47. Уфимцев А.А. Лексическое значение. – М.: Наука, 1986. – 88 с.
48. Фефилов А.И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. – Куйбышев, 1985. – 58 с.
49. Филин Ф. П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1992. – С.192-198.
50. Ханазаров К.Х. Сближение наций и национальные языков. – Т, 1991. – 260 с.
51. Хауген Э. Языковой контакт. Новое в лингвистике, вып. 6. – М.: Прогресс, 1992. – С.60-74.
52. Хашимов Р.И. Интерференция и формы национально-русского двуязычия // Русский язык в национальной школе. – 1986, № 7. – С. 11-16.
53. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. – Л., 1967. – С.46-63.
54. Ярмач И.И. Интерференция родного языка в русской речи //Русский язык в национальной школе. – 1973. - № 6. – С.57-66.
55. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 30 с.

56. Cenoz J., Genesee F. Beyond Bilingualism: Multilinguals and Multilingual Education Clevedon: Multilingual Matters, 1998, 480 p.

57. Flege J.E. et al. Interaction between the native and second language phonetic subsystems //Speech Communication. 2003. Vol.40 - №3 - pp 467-491.

58. Galasso J. Interference in Second Language Acquisition: A review of the Fundamental Difference Hypothesis Northridge: California State University Press, 2002, 21 p.

59. La B. Native language interference in learning a second language usage l.t. Education Journal. 1999. - Vol.1. - №1 -pp 22-31.

60. Menyart K. The temporal organisation in monolingual and bilingual children // Acta Linguistica Hungarica. 2002. - Vol.49 - №3-4 - pp 317-362.

61. Pham L. Infant dual language acquisition revisited // The Journal Educational Issues of Language of Minority Students 1994. - Vol.14 - №2 - pp 185-210.

62. <https://dic.academic.ru>

63. <https://ru.wikipedia.org>

64. <https://bigenc.ru>

65. megabook.ru

66. <https://slovar.cc>

67. venec.ulstu.ru/lib

68. www.arhivinfo.ru

69. <https://studfiles.net/>

70. genling.ru

71. <https://myfilology.ru>

72. <https://cyberleninka.ru>

73. cheloveknauka.com

74. www.dissercat.com

75. library.ziyonet.uz

76. majmua.tdpu.uz